

The book cover features a central landscape photograph of a grassy hill with several standing stones. The image is framed by a dark border and surrounded by a textured, woven fabric-like material in shades of brown and tan. The title is printed in a large, bold, black serif font at the top, and the author's name is at the bottom in a smaller, bold, yellow sans-serif font.

И станешь ты Богом

АЛЕКСАНДР
КОСТОЖИХИН

Александр Костожихин

И станешь ты богом

«Э.РА»

2014

Костожихин А.

И станешь ты богом / А. Костожихин — «Э.РА», 2014

IX век от Рождества Христова. Век Великого Перелома. Приходит в упадок Восточная Римская империя, начинается распад Арабского Халифата, империю франков раздирают междоусобицы... Но на мир обрушилась еще одна беда – некто ворует души людей. Кто и для чего? Боги в тревоге. Так уж случилось, что разрешить сию загадку под силу только смертному. Выбор падает на шамана рода Лося Кудыму. Кудыма должен завладеть магическим ножом, чтобы победить Крадущего Души. С небольшой группой сподвижников Кудыма отправляется в путь.

© Костожихин А., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

Глава 1	6
I	6
II	9
III	13
IV	15
V	18
VI	22
VII	27
VIII	29
IX	31
X	33
XI	38
XII	43
III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Костожихин

И станешь ты Богом

© Костожихин А. Л. 2014 г.

Глава 1

Пришла беда – отворяй ворота

I

Беда случилась на переломе ночи. Это было время, когда ночная тьма уже начинает уступать место ещё робкому утреннему свету, постепенно стекая в глубокие овраги и глухие чащобы. Всё вокруг кажется зыбким, неярким, призрачным. Это время утреннего тумана и затишья. Звуки становятся переменчивы, обманывают слух. Кажется, что река, которая находится за поляной в четырёх полётах стрелы от частокола, журчит рядом с ним. И убаюкивает, убаюкивает, убаюкивает... С поляны доносится стрёкот кузнечиков. И они тоже стрекочут только об одном – спать, скоро смена, скоро смена, спать, спать.

Уставшие за ночь двое часовых на караульной вышке не заметили, как переползли-перетекли через поляну чужаки почти под самый частокол. Серые доспехи надёжно скрыли их в такой же серой мгле наступающего утра. Журчание реки и стрёкот кузнечиков помешали полусонным, уставшим людям услышать тихий скрип неспешно и осторожно натягиваемых тугих разрывных луков. Щёлкнули тетивы о перчатки, свистнули в коротком смертельном полёте четыре стрелы – по две на брата. Одного сторожа убило сразу наповал. Первая стрела прошла через глаз и пронзила мозг, вторая – по оперение уткнулась в горло. Второму караульному ещё бился в агонии, тщетно пытаясь дотянуться до колокола. Обе стрелы пробили лёгкий доспех слева, но до сердца не дошли. Пластины доспеха изменили направление удара. Одна из стрел, сломавшись, ушла вверх, вспоров зазубренным лезвием грудину – рана кровоточащая и болезненная, но не смертельная. Зато вторая пробила лёгкое. И теперь хрипящий воин всё тянулся и тянулся к верёвке, чтобы ударить в небольшой звонкий колокол.

Тем временем чужаки выбросили вверх длинную слегу, за конец которой держался быстро перебирающий ногами по стене воин. Короткое мгновение – и он уже на вышке. Раз – и в его руке блеснул хищно изогнутый клинок ножа. Короткий взмах – и караульный с перерезанной глоткой захлебнулся кровью. Чужак лизнул нож, ловко кинул его в ножны и бесшумно сбежал по ступенькам. Напрягшись от усилия так, что на лбу вздулись вены, тихо снял тяжёлый запор ворот. Скрипнули створки. Трое чужаков проникли внутрь деревни. Огляделись: пока вокруг всё тихо и спокойно. Все так же сонно бормотала в отдалении река, стрекотали на поляне кузнечики, глухо шумела за деревней зелёная стена леса. Не гавкнул ни один пёс. Значит, не обманул их атаман, сказав, что по весне в деревне выбило неведомой хворью весь пёсий род.

Распахнув ворота настежь, чужаки, пользуясь копьями в качестве рычагов, сняли створки с петель. Удерживая тяжёлые плахи, они почти бесшумно сложили их на землю и оттащили запор на поляну. Теперь путь был свободен, и возле реки сразу выросли серые тени и быстро, уже не таясь, двинулись к частоколу.

Что стоит тренированному воину преодолеть расстояние в тысячу шагов? Несколько минут – орда чужаков ввалится в проём ворот и начнётся резня.

Всё решил непредвиденный случай. Хотя вот уже одиннадцать лет после переселения с берегов Холодного моря под мощную руку Перми Великой¹, как никто не нападал на род

---

¹ Пермь Великая – историческая область, которая располагалась на Верхней Каме, к западу от северной части Уральских гор. Ввиду противоречивых сведений, содержащихся в первоисточниках, границы этого государства в тот или иной период определить весьма трудно. Более или менее установлено, что древняя Пермия, вместе с Зырянским краем, граничила на севере с самодийцами, на востоке – с Уральским хребтом и манси, на юге – с башкирами и удмуртами, на западе – с Великим

Лося из народа Чудь, содержание пусть небольшой, но готовой ко всему дружины, осталось в традиции. Воины живут в слободе. Сама слобода отстроена из толстенных брёвен, начиная с двадцати шагов от ворот, и имеет два этажа; нижний этаж со стороны входа – совсем без окон и обращен к входу лишь глухой стеной с невысокой, узкой калиткой посередине. Основной же выход прорублен на деревенскую площадь, а от самой слободы до ворот прокинут палисад.

Таким образом, для того, кто попадает в деревню, сзади остается караульная вышка, справа – заграждение в полтора человеческих роста, а прямо напротив него – глухая стена слободы, огибать которую приходится по проходу правым боком, что обычно не прикрыт щитом. Но это ещё не всё. Обогнув укрепление, вошедший сперва упирается в заднюю стену внутреннего двора. Между нею и стеной слободы могут пройти две телеги – а больше и не нужно. И только повернув ещё раз, путник наконец оказывается внутри деревни, на её центральной площади. Вокруг площади расположены в два-три ряда стоящие избы, и если уж враг ворвался в деревню, то он оказывается словно в мешке. Возле крайней избы на дальнем конце деревни вырыт подземный ход – он тянется на пятьсот шагов и выводит в глухой овраг на окраине леса, начинаясь, в свою очередь, с огромной ямы, скрытой навесом. Навес над ямой замаскирован наваленными на него огромными, тяжелыми валунами. По законам племени Чудь, все, кто по какой-либо причине не может вместе с племенем отступить через подземный ход, дабы не обременять род, собираются в этой яме, и остается лишь выбить подпорки...² Сурово? Безжалостно? Конечно. Но намного хуже – попасть в руки врага, который учинит лютую расправу, смеясь и всячески издеваясь, таская за седую бороду или топчя свежие раны. Поэтому лучше уйти самому и с достоинством. Да и раскопать обрушившийся подземный вход после этого практически невозможно.

Дружинники сменяли друг друга на караульной вышке, совершали ночью обход в полном доспехе и вооружении. Днём же те, кто не отсыпался после ночного бдения, брэнчали мечами, кидали стрелы в чучела, метали копья, боролись, делали необходимые воинские упражнения: сомкнув щиты, ходили стеной, перестраивались в разные порядки.

Очередная пара вышла из слободской калитки на смену караульщикам на вышке. Одним из них был опытнейший воин рода по кличке Гондыр³. Бросив всего лишь один взгляд на ворота и караульную вышку, он сразу понял: беда! Быстро подняв щит, присел на корточки.

– К оружию! – страшной мощью прогремел его голос.

Второй, ещё безусый, впервые заступивший на дежурство мальчишка, растерялся от неожиданности.

Однако и чужаки у ворот не дремали. Моментально вскинули луки и бросили стрелы. Расстояние небольшое. Даже опытному воину трудно уйти с прямой траектории выстрела из лука. На расстоянии в двадцать шагов тяжёлая стрела, выпущенная из сложного лука, пробивает лёгкий доспех насквозь. Малой даже не успел перебросить щит со спины на грудь, как стрела вошла под сердце по оперение. Гондыр пал ничком, и это его спасло – стрелы пролетели мимо, с глухим стуком воткнувшись в брёвна.

Внутри слободы всё моментально пришло в движение. Пятеро человек бросились на второй этаж к узким окнам, остальные высыпали во двор со стороны площади.

А волна чужаков уже подступала к распахнутым воротам. Гондыр ногой отпихнул хрипящего в агонии юношу, юркнул внутрь слободы и запер калитку на мощный засов. Схватив со стены самострел и связку болтов, он птицей взлетел на второй этаж.

Тем временем небольшая дружина выстроилась в два ряда на дороге между слободой и ближайшей избой. Один из бойцов ударил в деревенский колокол рядом со слободой, в кото-

---

Устюгом, Вологдой и Белым морем. Арабы этот край называли Биармией.

² Данный обычай описан у Стефана Пермского.

³ Медведь.

рый звонили только во время нападения. Со второго этажа по чужакам ударили из луков; рассерженным шмелем прогудел самострел. Двое из четверых упали замертво, двое отступили за ворота. Но в проём уже вваливалась толпа вооружённых людей, и никто не мог их остановить, поскольку стена была неохраняемой, а ворота распахнуты!

Поток чужаков устремился по дороге вглубь деревни. На какое-то время непрерывный обстрел со стороны слободы внёс замешательство в ряды врага: нападавшие никак не могли собрать сплошной фронт щитов, чтобы смести последнюю преграду – этот небольшой отряд воинов, сбитый, как единое целое. То один, то другой, чужаки падали, пронзенные стрелами. Однако их было слишком много, чтобы пятью луками да одним самострелом остановить атаку.

Вождь племени, воспользовавшись временной заминкой нападавших, зычным голосом собирал мужчин вокруг себя на площади. Выскакивающие из изб сонные люди вооружались всем, что первое попало под руку – кто копьём, кто мечом, кто топором. Некоторые имели щиты. Но самое ужасное было то, что все они были без доспехов! Вождь спешно строил ряды...

Нападавшие, наконец, организовались и ударили по прикрывавшему деревню слободскому отряду. Сломать его строй они так и не смогли, но своей массой им удалось продавить его внутрь деревни. Тут бы чудицам и конец пришёл, – фланги отряда были теперь неприкрыты, – как вдруг на помощь своим устремились собранные на площади люди. На заднем дворе слободы развязалась сумбурная, беспорядочная резня. Бой распался на множество отдельных, мелких схваток – никакого строя, просто толпа вооружённых людей на толпу других вооружённых людей. Нападавшие силились прорваться внутрь деревни, а чудицы стремились этого не допустить.

Звон и скрежет от ударов клинков, топоров и копий. Резкие посвисты стрел, хруст разрубаемой человеческой кости, треск лопающихся черепов, медный запах крови и вонь вспоротых внутренностей, хрипы умирающих. Скользкие от крови ладони, непрерывный звериный вой, рык, гвалт, вопли, хрип и дикие, нечленораздельные выкрики нескольких сотен сцепившихся друг с другом людей, в которых с каждым мгновением оставалось всё меньше и меньше человеческого.

Схлестнувшись вплотную, враги резали друг друга ножами, грызли зубами, выдавливали глаза, разрывали рты, ломали руки и ноги, сворачивали шеи и, обезумев окончательно, бросались дальше, в кутерьму боя.

II

Несмотря на отчаянное сопротивление, бой постепенно перемещался к центру деревни. Положение спасли женщины. Видя, как гибнут их отцы, мужья и братья, вооружившись кольями и вилами, они бесстрашно бросились в самую гущу сражения. Небольшой отряд из пяти тяжеловооружённых воинов слаженно ударил из слободы в тыл нападавших. Гондыр же, закинув заряженный самострел за спину, взял в левую руку короткий ромейский меч, в правую – тяжёлую боевую секиру, проскользнул через калитку к воротам. Осторожно приблизившись к проёму, он приник к земле и заглянул в него. То, что он там увидел, никак не могло его обрадовать: ватагой руководил очень опытный человек; на лугу, недалеко от ворот, стоял резерв – отборный отряд тяжеловооружённых воинов, выстроенных в три ряда по тридцать щитов; перед ними уверенно расхаживал мужчина могучего сложения, в богатых доспехах, держа на сгибе руки шлем изумительной работы. Короткая булава, украшенная драгоценными камнями – знак военного вождя, – была заткнута за пояс, рядом с притороченным к нему тяжёлым германским мечом.

«Так это же Пислэг! – с изумлением узнал его Гондыр, – кровный брат нашего шамана! Вот это да! Но как же так? Почему он напал на нас? И кто провёл всю эту махину войск мимо постов, засек и крепостей?» – мысли его лихорадочно бились в поисках ответа. Гондыр, соблюдая предосторожности, вернулся в слободу. Снял со стены ещё пару самострелов и тоже их зарядил. Заташил наверх. Положив рядом с собой лук и перевязанный сноп стрел, уселся в ожидании, справедливо рассудив, что здесь он принесёт больше пользы, чем если вмешается в сражение на площади.

«Там и без меня много народу. А здесь – никого. Так я хоть ненадолго задержу врага, если вдруг полезет», – думал старый воин, сидя на корточках и поправляя камнем лезвие меча.

Тем временем в битве на площади наступил перелом. Сперва один, затем другой, еще несколько – и вот уже десяток чужаков, выбывая из боя, побежали к воротам. За ними следом отхлынули остальные. Толкая и давя друг друга, безудержной толпой ринулись они по дороге к выходу из деревни. А за ними, с восторженными воплями, кинулись вдогонку чудицы.

Гондыра как ветром сдуло со второго этажа. Выскочив из слободы, он растопырил руки и заорал:

– Стойте! Стоять! Всем назад! – к этим словам Гондыр добавил еще несколько грязных ругательств. Не жалея зуботычин и пинков, он кое-как остановил рвущихся добить врага соплеменников. Остановившись, многие в полном изнеможении валялись на тёплые трупы, роняя оружие из ослабевших рук.

К старому воину подошёл вождь.

– Уф, вроде, отбились, – и он присел на корточки. Сняв шлем, вытер окровавленной рукой пот. Посмотрел сквозь прищуренные глаза на поднимающееся всё выше солнце:

– Скоро день войдёт в полную силу. Жарко. Ты почему людей остановил? Выбили из деревни, а на лугу бы всех и добились окончательно. Никто бы не ушёл.

– Нет, на самом деле ничего еще не кончилось. Боюсь, что это только самое начало. Этот бой был разведкой. Если бы получилось так, как нападавшие задумали, то они без лишнего шума вырезали бы нас, как курей в курятнике. Но вариант того, что мы дадим отпор, тоже был ими предусмотрен. Слышишь, в рог загудели?

И Гондыр вкратце поведал то, что он видел на лугу.

– Теперь они перестроятся и снова пойдут в атаку. А выскочили бы мы на луг? Представляешь? Так мы хотя бы время выиграли. Пока они всех соберут, да вновь построят – это все время. А что нам теперь делать – это тебе, вождь, решать.

– Я сам посмотрю, что там за воротами... за бывшими воротами, – вождь горько усмехнулся.

Вернулся он очень скоро. И был мрачнее грозовой тучи. Опытнейший из опытнейших бойцов, он сразу оценил то, что увидел. И понял: деревня обречена. Слишком большие потери понесли они во время последнего боя. Но и это не главное. Огромной прорехой в обороне зияли уничтоженные ворота. Как одновременно защитить и стены, и этот проём? Войдут «телегой», под её прикрытием запалят слободу. И – всё, рухнет в один момент вся оборона. Деревня могла самостоятельно отбиться от шайки разбойников, но не от войска. А на нее напало именно войско. Выиграли первый бой – ну и что с того?

Решение пришло мгновенно. Нужно спасти если не деревню, то сам род. Чего стоят эти избы, бани да амбары? Даже запасы зерна или скот. Главное – люди. Была бы кость цела, а мясом уж обрастёт потихоньку. Со временем племя обустроится на новом месте. Где? Ему это узнать уже не придется...

«Гондыр, – голос вождя обрёл властность, – соберёшь людей. Через подземный ход выведешь и отведёшь их в безопасное место. Зора, Культобей и я – прикроем отход. Пока не пришёл Кудыма, ты будешь за меня. Там – решите. Выполнять!»

– Что делать с тяжелоранеными?

– Добей. Они будут обузой. Старики должны уйти сами. Да они и так уйдут, им объяснять ничего не надо. Жизнь рода превыше всего.

Гондыр встал, поклонился вождю в пояс.

– Люди! – голос вождя зычно разнёсся по деревне. – Уходите! Берите детей и собирайтесь у ямы. Гондыр пока будет старшим. Быстро! У нас очень мало времени! Помогите старикам забраться в яму.

– И... – голос вождя дрогнул, но затем вновь набрал властную силу, – нужно помочь всем раненым, кто не может идти, освободиться от лишних страданий и унижений со стороны врага. Шаман позже, во время обряда *Важэсо касьтылом*⁴, проводит их души на ветви пронзающего время и пространство Древа Мироздания. Зора и Культобей, подойдите ко мне.

Два воина, при полных доспехах, подошли к вождю. Оба были мастера боя. Никто лучше Зора в племени не владел мечом. Культобей был первым в искусстве борьбы на рогатинах и копьях.

– Нам выпала великая честь – мы будем прикрывать отход рода. Зора, ты станешь слева от меня. Ты, Культобей, соответственно, справа. Расположимся в центре площади, у родового тотема, – вождь недобро усмехнулся, – потешим наших богов кровавой жертвой во славу рода. Пусть боги не оставят племя в беде.

Не мешкая, чудины разбежались по деревне. Часть мужчин осторожно и аккуратно переносили своих тяжелораненых на капище. Там им низко кланялись, вкладывали в их слабые руки оружие. Потом Гондыр наносил безболезненный, милосердный удар в сердце. А старики и старухи, с какими-то отрешёнными и просветлёнными лицами, тем временем спускались в яму.

Остальные, подхватив детей и самый необходимый в пути скарб, потянулись вглубь подземного хода. Всё делалось быстро и без суеты.

И всё же не успели!..

Со стороны ворот загундел рог, послышались тяжёлые шаги латной пехоты. На этот раз враг не торопился. Воины шли не спеша, плотно прикрываясь щитами. За тяжёлой пехотой в несколько цепей растянулись отряды легковооружённых воинов, несших на себе лестницы. Последняя цепь состояла полностью из лучников, готовых, для прикрытия своих, в любую секунду выпустить стрелы. Однако стены оказались пустыми, проём тоже никто не защищал.

---

⁴ Важэсо касьтылом – древний обряд провожания душ в мир иной, а также последующие поминки по ним.

«Телега» медленно вползла в ворота и остановилась. Ощетинилась копьями. Легковооружённые воины приставили лестницы к частоколу и взобрались на стены. Никого. Только у кладбища на краю болота было заметно какое-то движение.

Снова проблеял рог. Вошедшая в ворота «телега» перестроилась в глубокую колонну. Прикрываясь массивными, тяжёлыми щитами, она медленно обогнула слободу и вышла на площадь, сразу же развернувшись в две шеренги. Распахнутые двери слободы указывали на то, что дружина ушла. Но несколько воинов решили на всякий случай проверить помещение и, прикрывая друг друга, забежали внутрь. Остальные за это время спустились со стен по внутренним лестницам и разбрелись по деревне, осторожно заглядывая в избы, бани и амбары. Пусто. Одна лишь скотина: мычали коровы и быки, блеяли овцы. Людей – никого! И грабить тоже нечего.

Но вот один из воинов, забежав далеко вперёд, на самый конец деревни, из-за угла последней избы увидел большую группу женщин и детей, толпящуюся возле частокола. Их прикрывали десятка три мужчин, вооружённых мечами и топорами. Чуть дальше виднелись курганы захоронений, а за ними шла покрытая ряской топь. Рядом зияла распахнутым зевом какая-то странная яма с навесом, на который были навалены многопудовые камни. Но только лишь воин хотел крикнуть, как Гондыр, заметивший чужака, ловко метнул топор. Подошёл к труп, хекнув, выдернул лезвие.

– Поторапливайтесь, поторапливайтесь! Их здесь сейчас будет много!

Вдруг со стороны площади раздался долгий, пронзительный свист. Двинувшись было вперёд, шеренги латников остановились. Растекшиеся по деревне чужаки зашпешили к площади, а от капища навстречу латникам двинулись три фигуры в блестящих доспехах. Пройдя с десятков шагов, они разошлись в разные стороны, как бы перекрывая собою всё свободное пространство. Воин в центре был обоеруким: в левой руке он держал кривую хазарскую саблю, правой сжимал длинный, прямой славянский меч. Тот, что был от него справа, прикрывался небольшим щитом, а в опущенной руке его сверкала полоска германского меча-спаты⁵. Из рук воина слева торчала огромная, чудовищно толстая, окованная рогатина с тяжёлой насадкой шириной в полторы ладони и добрых полтора локтя длиной. Лезвие насадки отблёскивало заточкой скола обсидиана. На пальцах сверкали боевые кольца с хищными жалами коротких лезвий.

Вождь неторопливо огляделся. Ему удалось привлечь внимание врагов – теперь все они собрались вокруг площади: с боков – легковооружённые воины, впереди – латники. Их было очень много – тех, кто напал на деревню. Они были повсюду. Воевода запрокинул голову: синее, бездонное небо. Судя по положению солнца, скоро полдень. Со стороны леса подул лёгкий ветерок. Он принёс с собой запах нагретых сосен и лесных трав. Однако, пора начинать. Вождь повёл плечами. Двинулся вперёд. Вместе с ним начали движение Зора с Культобеем.

Двигались не спеша, но по-особому плавно и неуловимо – словно три неправдоподобно огромных, гибких кота шли по тонкому, скользкому льду. Казалось, что они расплываются в своём движении. По рядам воинов пробежал восторженно-испуганный шепоток. Лучники вскинули было луки, но тут же их опустили: бесполезно! невозможно прицелиться! цель размыта!

Напряжение росло. Кто-то из воинов не выдержал и с диким визгом помчался от ближайшей избы к Зоре. Тот не изменил ни шага, ни скорости движения; ни замаха, ни удара не увидел никто. Просто добежавший до него воин вдруг распался на две части. Какой же невероятной силы и скорости должен быть удар, чтобы сверху донизу рассечь вязкое человеческое тело

---

⁵ Спата – обоюдоострый клинок, представляющий собой компактный рубяще-колющий меч массой до 2 кг, с клинком шириной 4–5 см и длиной от 60 до 80 см. Для строевого боя спата годилась плохо, но сочетала в себе большие возможности для индивидуального боя с удобством ее ношения.

вместе с просоленным кожаным доспехом! Ряды врагов колыхнулись, многие опустили копья, и главарь ватажников вдруг понял, что если сейчас не бросить все силы на эти три фигуры, то его войско попросту разбежится, объятые мистическим ужасом.

Пислэг вскинул руки. Рог коротко прогундосил три раза. Повинуясь приказу, на троих чудищ надвинулась и завертела их в страшном водовороте боя плотная стена из нескольких сотен бойцов.

III

Солнце плавало свои лучи в солёных водах Варяжского моря, яростно кричали чайки. Волны с лёгким шуршанием накатывались на белый, пологий песчаный пляж. Шагах в ста от пляжа угрюмо громоздились чёрно-серые выветрелые останцы с засохшими стволами елей. Вдали виднелись изрезанные долинами горы, покрытые густым лесом. С гор в долины, в радужном сиянии брызг и белой пены, низвергались водопады.

В устье реки, что вытекала из горного озера Хаммаршён, впадая в бухту Ханёбуктен, на левом её берегу, стояла деревня свеев, шведских викингов из рода Охус.

Вытащенные на берег, гордо вздымали свои носы несколько боевых хищных драккаров; подобно коровам, благодушно топорщили пузатые бока торговые кнорры.

Жизнь в деревне шла своим чередом, как и в сотнях других деревень викингов: зимой – пиры, охота, рыбалка; как только по весне стаивал лёд и сходили снега – воины шли в набеги. А то, бывало, и сами отбивались – от пруссов или вендов.

Десять лет назад Ингрельд, молодой свеи, в одночасье потерял всех своих родных. Так было угодно богам, что и родители, и все братья и сёстры Ингрельда умерли во время эпидемии чумы. За исключением маленькой, хрупкой Бирты. Оправдывая своё имя – «Яркая», как звёздочка на небосклоне в тёмную ночь, сияла она своей неземной, нездешней красотой. Братской нежной любовью окутывал её Ингрельд, берёг и холил. В благодарность за это Бирта долгими зимними вечерами пела ему героические саги о богатырях, о далёких землях, о кровавых битвах; о том, как тоскует девушка, ожидая из дальнего похода своего любимого. Никто не знал этих песен столько и так хорошо, как знала Бирта. Люди заслушивались и замолкали, когда начинала она петь.

Но – «Пришла беда – отворяй ворота!» Влюбилась его сестрёнка в телохранителя конунга – берсеркера Гнупа. Этот воин действительно был огромен и могуч, как утёс, о который вдребезги расшибаются, превращаясь в белую пену, даже самые сильные волны. Недаром его имя означало «Крутая скала».

Был Гнуп красив той особенной, мужской, свирепой красотой, которая обычно нравится хрупким и нежным женщинам, какой была Бирта. Но при этом оставался равнодушным Гнуп ко всему, что не имело отношения к яростному кровавому бою. Может быть, особая настойка из мухоморов на него так действовала, а может, что-то еще другое. Как известно, чужая душа – потёмки.

Ингрельд был против того, чтобы его сестра стала женой Гнупа. Однако, несмотря на то, что он, после смерти всех родных, стал старшим в семье, его слово уже не было законом для подросшей Бирты, ибо, как было издавна заведено в Скандинавии, начиная с пятнадцати весён девушка имела право сама выбирать себе мужа. Слово родителей оставалось лишь за приданым – могли и отказать, коли жених не по душе.

Как уже говорилось, клан Ингрельда состоял теперь всего из двух человек, однако скарба у них имелось предостаточно, а посему они считались людьми богатыми. Только одного только богатства недостаточно для всеобщего уважения. Что касается Бирты, то ей воздавали должное не только за ее песни, но и как одной из лучших рукодельниц в деревне. Ингрельд же считался отважным, сильным и умелым воином. Два десятка рабов, пленённых им в набегах, работали по хозяйству под мудрым руководством его сестры. Тучнело и множилось стадо, дом наполнялся диковинными вещами, добытыми храбрым свеем в военных походах.

За Гнупом Ингрельд знал одну странность: быть с женщиной тот мог только в состоянии опьянения напитка из мухоморов, предварительно до полусмерти её избив. Происходило это в походах, в захваченных ими деревнях или городах. Насилие при захвате – норма. Поэтому никто не обращал внимания на такое его поведение, а вот Ингрельд отметил и запомнил.

Однако, как говорится, любовь зла, полюбишь и вонючего козла.

Гнупу же, в свою очередь, льстило, что такая девушка, как Бирта, обращает на него внимание. И он решился.

Ранней весной пришли к Ингрельду родители Гнупа свататься. Задарили его богатыми подарками. Заглянув в ждущие ответа глаза сестры, Ингрельд не решился отказать. Дал согласие. Одарил гостей, в свою очередь, не менее щедрыми дарами. Обе семьи еще несколько раз потом ходили друг к другу в гости, договаривались о приданом для невесты, подарках жениха и о дате свадьбы.

В первый день первого летнего месяца окрестности деревни огласились звуками нарядно одетой процессии. Из деревни выдвинулась шумная многотысячная толпа в праздничных, пурпурно-красно-синих одеждах, отблескивающих прошивкой из золотых нитей. На праздник были приглашены жители всех близлежащих деревень, и теперь вся эта пёстрая орава людей издавала такой шум, распевая песни, дудя в рога и просто крича, что оглушённые птицы валились с неба – ибо всем было известно, что чем громче и шумнее будет, тем больше напастей удастся прогнать от семьи, тем крепче будет брак.

Потом было всё, что полагается в таких случаях: молодой жених на руках пронёс счастливую невесту во двор, мимо ломящихся от еды и хмельных напитков столов; затем был обмен кольцами, которые конунг протянул молодым на острие меча, и – торжественное взятие молодой женой меча мужа себе на хранение. Этот меч будущая мать должна будет потом подарить их сыну-первенцу. После первого дня последовало еще недельное гуляние. Пьяные валялись под столами, как убитые на поле боя. А сперва было «похищение» невесты с последующим выкупом; затем разыграли в честь молодых «битву» – разумеется, без никому не нужной крови. Словом, было все, как и положено на доброй свадьбе.

Во время свадьбы, а также в течение первого месяца после неё, молодожёны обязывали, по старинному мудрому обычаю, пить не хмельные напитки, а специально сваренный для них медовый напиток, поскольку ребенок должен быть зачат не одурманенным алкоголем семенем, но семенем чистым и здоровым; отсюда, кстати, и пошло название: медовый месяц. В этот медовый месяц молодожёнам запрещалось работать, воевать и заниматься хозяйством. Только друг другу должны были они отдавать все свои силы и помыслы. Однако Ингрельд ещё на свадьбе заметил, как Гнуп тайком приложился к заветной фляжке с настоем из мухоморов, и заняла у него душа в предчувствии наступающей беды.

IV

Наступили будни.

Только теперь Ингрельд в полной мере понял, как ему не хватает Бирты, ибо все хозяйственные заботы упали на его плечи. И он стал всерьёз подумывать о женитьбе на приглянувшейся ему молодой вдове, с которой они иногда встречались, провожали закат, просыпались на заре. А что? Мужчина он видный, богатый. Можно и хозяйку в дом привести. Девочек ему не надо, а вот вдовушка – в самый раз. Её дочь будет дочерью и ему, он будет этому только рад. У вдовушки уже своё сложившееся хозяйство, опыт его ведения, у него – своё, и немалое. Так что от такого союза оба они только выиграют. Да и чем они не пара – оба молодые, красивые, зажиточны. Ингрельд всем известен не только своим достатком, но отвагой и мужеством, доблестью воинской. За них его уважают. Да и о наследнике пора подумать. Надо вот только с Биртой посоветоваться – попросить её, чтобы сходила к вдове и поговорила с ней. Нет ведь больше никого у них – ни матушки, ни батюшки. Кому еще их роль в сватовстве исполнять, как не сестрёнке?

В тот роковой день, когда Ингрельд решил отправиться за советом к Бирте, всё и произошло. Было совсем раннее утро. Ингрельд сидел возле дома, чинил доспехи. Внезапно с улицы послышался шум, истошные женские крики. Во двор ворвалась Бирта. Ингрельд испуганно уставился на сестру: платье её было разорвано, левая сторона лица опухла, изо рта сочилась кровь. Вслед за Биртой во двор вломился Гнуп. Он ухватил её за волосы, развернул, страшным бойцовским ударом кулака в грудь опрокинул на землю и, нечленораздельно рыча, стал пинать поверженное тело. Ингрельд схватил первое, что подвернулось ему под руку – им оказался ритон, сосуд для питья пива и вина, – и со всего маху ударил Гнупа его острым концом по лицу. Рог с хрустом вошёл Гнупу промеж глаз и, пронзив мозг и разбив череп, вышел со стороны затылка на добрую ладонь...

Бирта прожила ещё до вечера и, не приходя в сознание, скончалась на руках Ингрельда. Мёртвого Гнупа на следующий день забрали родственники. До их прихода он так и оставался валяться во дворе, в потёках свернувшейся крови и выбитого мозга, облепленный жирными, жужжащими мухами. Разъярённые братья убитого хотели было учинить расправу, но, продолжая обнимать холодное тело сестры, Ингрельд поглядел на них такими страшными, мёртвыми глазами, что никто так и не осмелился кинуться на него с кулаками.

После похорон Гнупа и Бирты, последующего проведения на седьмой день обряда сьюнда, когда был выпит ритуальный погребальный эль – сьюмбел, а значит совершился земной путь усопшего, по требованию родственников Гнупа был собран тинг – собрание всех свободных людей поселения.

Конунг пребывал в огромном смятении. С одной стороны – совершено убийство члена общины, человека не простого, имевшего многочисленную родню и высокий статус его личного телохранителя, заслуженного воина. С другой стороны, этому убийству есть оправдание – покрыл себя Гнуп несмываемым позором, подняв руку на жену. Что может быть позорнее для воина, посвятившего себя Одину, чем ударить свободную женщину своего рода-племени? Это считалось даже более страшным позором, чем бегство с поля боя. Да и Ингрельд – далеко не последний человек. Многие восстанут за него, а это может привести к расколу в общине.

Как конунг и предвидел, разгорелся яростный спор. Сторонники и родственники Гнупа требовали для Ингрельда применения хеймнара – самого позорного и жестокого наказания у викингов, в ходе которого у приговорённого отрубались все конечности, после чего обрубки немедленно прижигались, чтобы преступник продолжал жить. «Мы оставим ему голос, чтобы он мог кричать, уши, чтобы слушать издёвки, глаза, чтобы ему было чем смотреть на женщин, яйца, чтобы он мог их хотеть...» – говорили они. Обычно это наказание присуждали за нару-

шение взятой клятвы или за убийство. Сторонники и сочувствующие Ингрельда требовали полного его оправдания, ибо на его глазах произошло зверское убийство его сестры.

Внимательно выслушав обе стороны, конунг нашёл мудрое решение. С одной стороны, позорная казнь допущена не будет, с другой – Ингрельда всё же накажут. И накажут так, что он больше никогда – как надеялся конунг – не сможет вернуться в эти края, но честь его при этом не пострадает.

Подняв властно руку и дождавшись, наконец, тишины, конунг обратился к собравшимся на тинг людям и вынес своё окончательное решение:

– Муж может убить свою жену, как, впрочем, и жена вправе убить мужа, ибо она есть человек свободный. Но при этом никто не должен забывать, что они *свободные* люди. Муж может резать жену ножом, заколоть копьём, зарубить топором или мечом – его право. Если муж считает, что жена настолько виновата, что это требует крови, пускай он ее прольёт. Однако до наступления вечера он обязан сообщить об убийстве и предстать перед судом закона. Старейшины решат – прав был муж или нет. Но Гнуп, видимо, об этом забыл. Забыл и о том, что Бирта носила яркие, длинные одежды с цепочками на поясе, которые носят только женщины свободные в отличие от рабынь, в знак чего крепятся на этих цепочках ножницы, футляр для иголок, нож или лёгкий меч, ключи от кладовых. Он, на виду у всей деревни, сорвал с нее знак замужней женщины – головной убор, тем самым обесчестив её. Считаю, что Гнуп виновен также в том, что не только поднял руку на свою жену, но и забил ее насмерть, как вонючую подзаборную сучку, как подлого раба! По нашим законам подобный позор карается изгнанием. Но изгнанник изгнаннику рознь. Изгоя без чести может убить даже раб. Теперь перейдём к Ингрельду. Он убил Гнупа, свободного человека. Почему он не вызвал Гнупа на хольмганг – поединок высшей справедливости, где боги решают, кто прав, а кто виноват, присуждая правому победу? Убийство же должно быть наказано. Но посмотрите на шею и на руки этого воина. Вы видите, сколько дорогих стеклянных бус обвивают его шею? Сколько винтовых золотых браслетов на его руках? Эти бусы и эти браслеты указывают, сколько удачных походов совершил сей доблестный муж. Напоминаю: что есть бусы? Бусы указывают на знатность рода, а браслеты вручаются тому, под чьим предводительством прошла битва, приведшая войско к победе; либо они означают, что их обладатель в трудную минуту боя принял командование на себя. Я не оправдываю Ингрельда, но отдаю ему должное как воину. Поэтому, выслушав обе стороны, я не присуждаю ему хеймнара за убийство, поскольку это убийство Ингрельд совершил в состоянии помутнения рассудка, увидев, как жестоко избивают его сестру. Ещё раз повторяю: избиение свободной женщины руками и ногами есть самое позорное, что может совершить мужчина в своей жизни. Однако, дабы не допустить кровной мести, я налагаю на Ингрельда штраф за убийство свободного человека – вергельд, в размере всего имущества Ингрельда, за исключением личного оружия, бус, браслетов и одежды, что на нём есть, в пользу родственников Гнупа. А также приговариваю его к изгнанию сроком на пять лет с сохранением чести. Ингрельд, завтра до восхода солнца ты обязан покинуть нашу деревню. Я, конунг по имени Харри поселения Охус, это всё сказал и утвердил!

Так круто повернулась судьба молодого свея. Остался он без семьи, без имущества, в изгнании. Конунг правильно решил – Ингрельду не было больше смысла оставаться в родной деревне. Не для кого и незачем.

* * *

С той поры прошло десять лет. За это время Ингрельда помотало от империи франков до Жёлтой реки. Он сопровождал караваны, служил наёмником, разбойничал в ватагах. В нескончаемых боях и стычках окончательно заматерел телом, очерствел душой. Холодно смотрели на мир его голубые, пронзительные глаза.

Много дорогих украшений, драгоценных камней, серебра и золота прошли через его руки. Но богатства своей так и не нажил. Всё добытое в бою или полученное в качестве вознаграждения Ингрельд прогуливал без остатка, без сожаления расставаясь с ним. Не видел он теперь смысла в накоплении богатства. Для кого, кому, зачем это надо? Ему одному хватает и того, что есть. Нет сегодня разносолов – он коркой хлеба сыт, да пригоршней водицы из колодца или ручья. Зато научился своей ценить редкую дружбу и взаимовыручку в бою.

Раз, сопроводив очередной караван до Хорезма, встретил викинг учёного человека из Царств Западного края (так называли тогда в Европе Китай), по имени Ляо-Пен-Су. Интересовался сей муж письменами и языками народов Севера, их обычаями. Узнав, что своей – человек Севера, он, за достойную плату, нанял его себе в сопровождающие.

Так Ингрельд попал в Городище⁶ – крупнейший торговый центр Севера. И надолго там задержался. Только не ведал он, что и здесь его поджидал очередной крутой поворот судьбы, ибо, хоть и принято считать, что наша жизнь состоит из чёрных и белых полос, но когда и какая из них наступит – то даже богам не всегда ведомо.

---

⁶ Городище – старинный торговый центр Перми Великой. Ныне – пригород города Соликамска под своим названием. Точная дата основания Городища неизвестна. Предположительно – 3–5 век до нашей эры.

V

Неподалеку от места впадения реки Усолки в могучую Каму раскинулось Городище. Торговые причалы, амбары, склады, едальные избы, сараи, шатры, утоптанная до состояния камня площадь с лобным местом – неизменный колорит любого крупного города тех времён от Сены до Жёлтой реки. Вокруг города – три глубоких, высохших рва, через которые перекинута подъёмные мосты. Сам город обнесен высоким, крепким частоколом из толстых брёвен в три человеческих роста. Над каждым из пяти ворот города воздвигнуты мощные караульные вышки. В город проложены три дороги из леса и две – с причалов. Центральные улицы – прямые, вымощенные деревом – ведут на торговую площадь. В переулках – грязное месиво, в беспорядке разбросанные крепко врытые в землю избы.

Именно от Городища начинался Великий меховой путь. Сюда свозили меховую рухлядь бьющие зверя местные племена и народы. Здесь же торговала солью Пермь, поставляла медную руду и железо горная Чудь, Вишера везла россыпное золотишко, зыряне – самородное серебро и уголь. Ценились пластины из бронзы и золота, сделанные в виде причудливых зверей⁷; звонкой монетой платили за моржовый клык. Но главным товаром был мех, которым с лихвой окупалась тяжёлая дорога, полная опасностей и невзгод. Прибыль была неопиcуемая. Те из купцов, кто сумел добраться до меховой ярмарки, а затем вернуться обратно, обогащались невероятно. Караваны с пушниной уходили к индийским раджам, в Китай – во дворец самого императора, к арабам и в города Европы. Каждая шкурка соболя, куницы или белки, выменянная туземцами Прикамской земли на один дирхем, продавалась, к примеру, в Багдаде – за две тысячи! Право слово, стоило рискнуть всем своим состоянием, и даже жизнью, ради такой прибыли! Бывали случаи, когда человек одной-единственной сделкой обеспечивал себе существование до конца жизни.

Согласно установленному купеческому кодексу, торговцы торили свой путь до Городища. Севернее него имели право торговать только чулыманские купцы. Любого нарушившего это правило жестоко убивали. Правда, всё равно находились смельчаки, которые, в обход сложившихся традиций, сами уходили вглубь Перми Великой, где скупали мех и моржовый клык. Из десяти авантюристов такого рода обратно возвращался только один. Но зато его прибыль оказывалась в десять раз выше, чем у других, более осторожных.

На север со всего света тянулись караваны с пряностями, тканями, вином, шёлком... Городище был одним из самых крупнейших торговых центров мира уже тогда, когда на месте современного Парижа стояла захудалая галльская деревушка Лютеция. В Городище, не менее чем за полторы тысячи лет до возникновения Москвы и Владимира, уже вовсю бурлила экономическая и политическая жизнь всего необъятного Севера! Но скорее всего, город был значительно старше. Ведь именно сюда шли караваны из великого Вавилона, могучей Ассирии и Черной Земли⁸. Эстафету подхватили Персия, Греция и Рим. Совершался гигантский оборот товара, шли огромные прибыли. А чтобы отпугнуть конкурентов, сочинялись сказки о страшных северных людях, живьём пожирающих людей. Однако купеческий народец во все времена был слишком практичен, чтобы верить всяким рассказам – иначе так никто никогда и не торил бы по миру дорог. Доходили отчаянные головы до Городища, сторговывали товар, получали свою прибыль. Возвратившись, пугали соседей страшными рассказами и, нагрузив новую партию товара, опять уходили в очередную торговую экспедицию. Пути к Городищу были проложены так давно, что сведения о том, когда именно это было, затерялись в тумане веков. Купцам эти пути были хорошо известны, как и то, какой товар интересуется северян. Кипит торговля

⁷ Знаменитый Пермский звериный стиль.

⁸ Египет.

– кипит и жизнь! И даже сам Господин Великий Новгород, набравший за предшествующие сто лет огромную торговую силу, не мог пока тягаться с Городищем!

В избе-едальню, что находилась напротив складов болгарских купцов, ранним утром ввалилась весёлая компания чудинов. Несколько чающих светильников скудно освещали помещение. Небольшие слюдяные оконца света сильно тоже не прибавляли. Однако можно было различить чёрный закопчённый очаг с огромным вертелом и дымоходом, подтопок для варки всевозможных каш и щей. Отдельно стояла печь для выпечки хлеба и изделий из муки: медовых калачей, пряников, оладий, гречишных и овсяных блинов – всего не перечесать! Вдоль стен в землю были врыты длинные скобленные столы и лавки, по полу разбросано сено и опилки. В избе стоял особый запах, характерный для подобных заведений. Дома пахнет не так, хотя, казалось бы, тот же очаг, тот же подтопок, те же лавки и стол. Но запах – запах другой, домашний. Утром дома всегда пахнет молоком, свежесдобленным хлебом, а еще – любимой женщиной, чьё тело еще помнят руки.

В избе-едальне с утра стоит запах прокислых щей, прогорклого жира, специй и подгорелого мяса. Но это все мелочи, главное – здесь ты не дома, сюда ты пришёл только для того, чтобы набить себе брюхо на весь предстоящий длинный день, полный неизбежных хлопот. Тем более что готовят в этой избе превосходно. Хоть, правда, и берут дороговато. Но есть другие избы-едальни. Можно пойти туда – здесь никто не держит. Однако чудиновцы облюбовали именно эту избу, которую держал полуславянин-полузырянин по имени Угрим. Находилась едальня буквально в двух шагах от их фактории, где они жили и держали товар.

Чудь уже расселась по лавкам, когда к ним из-за занавески выглянул ещё не умытый, хмурый, невыспавшийся хозяин. Подтянул на огромном животе сползающие портки, могучей пятернёй почесал заросшую диким волосом широченную грудь. Широко и сладко зевнул, приоткрыв на миг крупные, крепкие желтоватые зубы. В ответ на весёлое пожелание жить и процветать буркнул гулким басом встречное приветствие на межнациональном языке. Говорить на языке Чуди мог только сам чудинец. Остальные, сколько бы ни жили рядом с ними, а выучить язык всё не могли. Балаболят, как сороки. Поди, разбери их – даже у самоедов язык проще! А эти... чудные, одним словом! И обычаи у них чудные. Вроде, бают, они даже людей жарят и едят после жертвоприношений. Без сомнения, боги время от времени требуют человеческой крови, но зачем жертву после этого съедать? Тьфу, пакость какая! Одним словом, нелюдь да чучундра – она и есть нелюдь да чучундра. Но платят хорошо, не обманывают. А до остального ему дела нет. Ему важно гостей накормить прилично, да получить с них звонкую монету, можно и товаром. Угрим не отказывался ни от чего – в хозяйстве всё пригодится. Однако, беря товаром, исходил из расчета дешевле его реальной стоимости. Пряности – за три четверти цены, остальное – вполовину. Никто не обижался – кушать всем хочется! Ведь в других избах-едальнях отпускали кормёжку только за монету. А как быть, если едва прибыл, а товар ещё продавать не начал? Зато за счёт приобретения дешёвых пряностей Угрим мог себе позволить делать блюда душистыми, ароматными и обжигаящими язык невиданными вкусами. Поэтому так и ценилась его кухня среди прочих. Поэтому и брал он за свои блюда дороже остальных. Но если человеку была нужна одна только пустая полбяная каша, Угрим не отказывал – делал. Зачем отказом обижать? Сегодня человек взял самое дешёвое, а завтра разбогатеет – и закажет самое дорогое. Кормил Угрим, бывало, и в долг. Но никто не смел обманывать хозяина избы-едальни. Ведь не знаешь, как жизнь завтра повернётся, репутацию себе портить дороже. У Угрима много кто кормится. Если ты за еду не можешь платить, то какая тебе вера, кто с тобой захочет иметь дела? Поэтому долг всегда возвращали.

Получив заказ, Угрим вынес бочонок кваса и парочку караваев душистого хлеба, чтобы гости до начала основной еды могли сначала слегка подкрепиться. А на кухне уже суетились рабы и домашние Угрима: кто-то рубил мясо, кто-то чистил рыбу, кто-то катал и отбивал тесто в тугое. Заполыхал очаг, потянуло дымком от печки и подтопка.

Но вот на сковородках зашипело, в котлах забурило, забулькало в чугунках, от нарубленной на крупные куски туши лося потянуло пряным духом. Здоровенный полуголый раб доставал куски из корыта со специями, продевал на вертел, подвешивал в очаге над огнём. И такие неопишуемые аппетитные запахи разносились по избе, что невольно заквакало в животах, потекла обильная слюна. Но никто из гостей даже в мыслях не держал, чтобы поторопить хозяина. Блюдо будет готово в свой положенный срок. Не нравится, торопиться – иди в другое место! Угрим ценил свой труд и до самозабвения любил своё дело. А поспешишь – как известно, людей насмешишь. Каждое кушанье должно быть сделано неторопливо, со вкусом, мастерством и с любовью. Да-да, именно с любовью, иначе ничего вкусного не получится, а получится «жрать можно, и то ладно» – а так Угрим не умел. И ему было безразлично, торопится гость или нет – блюду нужно выстояться, промариноваться, проперцеваться, прожариться или провариться положенное ему время. Зато потом необычайно вкусной получалась даже самая простая каша. В поварском деле он был как старый, испытанный воин на поле боя, хотя и военное искусство ему тоже было знакомо – молодым ходил Угрим в набеги, немало вражеских голов раскрошил он своею боевой дубиной. А потом вот прикипел к котлу с поварёшкой. На добытое в походах приобрел избу-едальню и нисколько не жалеет. Ибо, помимо любимого дела, это было очень выгодное вложение капитала. Угрим ведь не только кормит у себя людей, но и продаёт товар. Три его старших сына сами водят караваны, двое – те, что помладше, нанялись охранять караваны других хозяев. Вот сейчас Омут ушёл в страну Желтой реки, а Третьяк подался на север с чулыманскими купцами. Младший, Четвертак, пока дома по хозяйству помогает, да еще пять дочерей есть у Угрима: двое – на выданье, двое – пострелята, а пятая – в люльке сопит. Доволен Угрим тем, как его жизнь сложилась.

Но вот, когда уже гости совсем было изошли слюной, а урчание животов стало слышно за версту, подоспели первые блюда. Сгибаясь под тяжестью блюд, рабы выставили на стол целые корыта со щукой, сваренной с хреном, и карасями, запечёнными в сметане. Поставили перед каждым плоскую деревянную тарелку с тушёной зайчатиной, тоже в сметане и густо пересыпанной диким луком и красным перцем. Метнули на стол россыпь мелких, горячих, свежеспеченных караваев. И пошла животу потеха! Только деревянные расписные ложки брякали да ножи проскребывали! В пару мгновений исчезли в утробах и щуки, и караси, и зайцы. А тут и жареные рябчики с гречневой кашей подоспели, а вдогонку к ним – пельмени с редькой, да пельмени с медвежатиной. Кое-кто из гостей уже начал подпоясок развязывать, утирать первый пот рукавом. Угрим довольно усмехнулся. Повёл густыми бровями. В качестве небольшого перерыва и для затравки к следующему блюду выставили *пражитом чери* – рыбу, особым способом приготовленную с пряностями на углях. Когда гости отведали и это угощение, утолив самый первый голод, можно было выставлять и главное блюдо заказа – жаркое из лосятины. Это блюдо не терпит поспешности – его полагалось вкушать спокойно, не торопясь и наслаждаясь каждым проглоченным кусочком.

Прекрасно прожаренное на вертеле мясо, предварительно вымоченное в специях, политое специально приготовленным исключительно для этого кушанья остропряным соусом, издавало такой аромат, что кое-кто из гостей замычал от удовольствия вдыхать один только его запах. К мясу подали слабое пиво и *пувья нянь* – пирожки с брусникой прямо из печи. Теперь уже порядком наевшиеся гости не спешили глотать, а ели размеренно и чинно, отдавая должное искусству повара, чего, собственно, и добивался Угрим. Закончили трапезу хрустящими овсяными блинами и толстыми ржаными оладьями, макая их в мёд и запивая ядреным квасом.

Наевшись, гости отёрли пот с лица, сполоснули руки и рот ароматной водой, вытерлись услужливо поданными им рабом расписными полотенцами и чинно вышли из-за стола. Построившись рядком, поклонились в пояс Угриму. Таков был обычай Чуди благодарить хозяина за кушанья, которые он для них приготовил. Угрима поначалу поражал этот жест – ведь за деньги же! Потом понял: не в деньгах дело – благодарят его за его мастерство!

Приняв ответный полупоклон, старший из чудиинцев, по прозвищу Кудыма, протянул Угриму монету – ромейскую золотую безанту, монету редкую в этих краях, и потому дорогую. Очень дорогую! Одна такая десяти подобных завтраков стоит, если по совести, а Угрим не любил быть в долгах. Бывало, другие были должны ему, он же другим – никогда. Чудиинец понял затруднение хозяина избы-едальни и дружелюбно сказал:

– Вечером придём кушать, утром придём кушать... Всю седмицу едим у тебя! Согласен?

– Всегда рад вас видеть!

Кудыма весело подмигнул Угриму. Тот в очередной раз поразился его глазам. У этого чудиинца они были разноцветные: правый глаз – голубой, как весеннее небо; левый – зелёный, как молодая трава. Странно смотрелись они на темноватом, вытянутом лице с небольшой, аккуратной бородкой. Сам же Кудыма был черноволос, высок, крутоплеч, гибок, крепок. Движения – обманчиво-плавные. словно в этом человеке была до упора закручена страшно тугая пружина, готовая в любой момент раскрутиться с необычайной силой. Широкие запястья и мощные трицепсы говорили о его регулярных упражнениях с оружием. Однако его мозолистые ладони при этом были небольшими, зато пальцы – длинными и какими-то хищными.

Нрав у Кудымы весёлый, взрывной. При встрече с ним казалось, что благодущие и радость сами собой обволакивают собеседника. Однако что-то очень опасное таилось в глубине глаз этого человека – заглянув в них, мало кто решался стать против него в поединке или в драке. А те, кто решился – либо уже с предками разговаривают, либо не досчитывают зубов. Ну, да, впрочем, это крайности. Был Кудыма человеком к своим тридцати трём вёснам мудрым и опытным. Как шаман – охранял он свой род от напастей, лечил людей. Как воин – ходил в набеги. Мир посмотрел.

А в избы-едальню тем временем уже набивался народ. Со всех сторон раздавалось чавканье, сопение, причмокивание и сытое икание. Но всю эту какофонию перекрывал треск разбиваемых мозговых костей и разгрызаемых мослов, исходящий от громадного человечика в богатейшем позолоченном халате. К скамье, на которой он сидел, была приставлена внушительных размеров секира, а длинные льняные волосы с косичками вдоль ушей, усы до пояса, курчавая бородка и светлые глаза на сильно загорелом лице выдавали в нём викинга, или, по здешнему – варяга. Многочисленные разноцветные бусы с золотыми застёжками, указывавшие на его знатность, обвивали мощную шею. Покончив с зажаренным в специях молочным поросёнком, он с шумом вылебал через край чугунок бульон и теперь с огромным удовольствием вылавливал оттуда кускипряного отварного мяса своими толстыми пальцами, вытирая стекающий с них жир о полу своего одеяния и о свои волосы. На него с изумлением оглядывались людишки сложением помельче, да и кошельком потоньше. А к его столу уже подносили жареных рябчиков, миску рассыпчатой гречневой каши на кабаньем сале с мочёными яблоками, жбан пива и огромную стопу блинов...

Как угорелые, носились от печей и очага к столу и обратно рабы с тарелками, блюдами, корытами, чашами. Начинался новый торговый день. Народец спешил подкрепиться по самое горло, чтобы до вечера о еде не думалось. А вечером – там видно будет.

VI

Вывалившись из избы-едальни, чужинцы поспешили к себе. Надо было до основного наплыва людей успеть занять на торговой площади места, выставить товар, чтобы смотрелся краше. Вскоре на прилавках заблестели пластинчатые доспехи местной работы, засеребрилась кольцами сложная кольчуга, заискрился отполированный клинок меча, заиграли переливы соболиного и куньего меха. Между основным товаром аккуратными рядками легли женские и мужские украшения из золота, серебра, меди и бронзы. Причудливые узоры невиданных зверей, тонкая вязь рисунка привлекали немало покупателей.

Кудыма немного отошёл, придирчиво осмотрел выложенный товар. Поправил некоторые вещи, чтобы выглядели более броско. Удовлетворённый, сам отправился закупать товар.

Перво-наперво следовало купить пёстрые арабские ткани и багдадские ковры, затем сторговать ряд пряностей из далёкой и загадочной Индии, а после – осмотреть полный пехотный ромейский доспех и сложный хазарский лук.

Везде Кудыму узнавали, раскланивались с ним – покупатель он был более чем выгодный, брал всегда большие партии товара, хотя и отчаянно торговался за каждый дирхем, что, впрочем, только добавляло ему престижа, ибо для купца нет ничего более обидного, чем торговля без торга – в этих случаях могли и заворотить, несмотря на прибыль. Ибо одна из главных прелестей торговли есть азарт, в нем – и искусство, и поэзия, и проза купеческого мира. И покупка товара – тоже целый ритуал. Как гласит купеческая поговорка – «торопливость нужна при ловле блох». Кудыма же всегда свято соблюдал ритуал.

Вот и сейчас, подойдя к купцу, у которого был выложен нужный Кудыме товар, он с равнодушным видом пару раз прошёлся мимо прилавка, приценился к кое-каким мелочам у соседей справа. Купец уже успел почувствовать интерес покупателя к своему товару и, в свою очередь, напустил на себя равнодушный и сонный вид. И только узкие глазки хитро поблёскивали из-под выцветших ресниц.

Наконец, Кудыма подошёл к нему. Погладил ворс ковра, пощупал ткань. Прищурился. Отошёл. Посмотрел. Шагнул вбок. Снова приблизился. Всё это время купец с видимым равнодушием наблюдал за его действиями.

- Здрав будь, Караберей! – поприветствовал Кудыма купца.
- И тебе долго здравствовать, – ответил ему в тон Караберей.
- Как торговля?
- Хорошо.
- Ткани пёстрой много осталось? И вон ещё ковры я бы посмотрел.
- Пёстрой ткани осталось десять рулонов. Ковры смотри.

Купец вновь равнодушно прикрыл глаза. И только подрагивающие четки в его руках выдавали в нем волнение. Кудыма усмехнулся. Если он сегодня сторгует товар, Караберей останется только закупить меха. Ибо уж кто-кто, а Караберей прекрасно знал: если они ударят по рукам в знак совершения сделки, Кудыма заберёт у него весь товар, привезённый на продажу. О, всемогущий Аллах! Не дай сорваться с крючка интереса этому чужинцу!

Товар был превосходен. Но приступать сразу к торгу было бы верхом неприличия. После расспросов о дороге, семье, погоде, урожае и других очень важных вещах Кудыма как бы вскользь сказал:

– Я не буду хитрить, Караберей, товар твой неплох. Хотя, если пройти по рядам, можно найти и лучше. И ты это знаешь не хуже меня. Просто вот времени мало. Давай, сторгуем побыстрому, ударим по рукам. Ты согласен?

– Можно найти товар и лучше. Кто спорит? Ищи. Зачем нам хитрить? Ковры у меня не очень пушистые, ткани монотонные. Да ты сам видишь. Но и цена по товару.

Кудыма включился в игру. Главное в ней было – не называть цену первым. Ибо кто первым назвал цену – уже проиграл в споре, так как это даёт противнику ту опору, от которой уже можно отталкиваться. Не прошло и трёх базарных часов, как Кудыма нащупал слабинку в «обороне» купца. Оставалось окончательно договориться о цене. После яростных споров, заверений, хлопанья по бокам и коленям, деланных изумлений и возгласов, около полудня нужный товар наконец-то был продан за ту цену, которая устраивала обоих. Еще после нескольких вздохов, что Караберей только из уважения к Кудыме продаёт ему товар себе в убыток, и клятвенного заверения Кудымы, что он покупает так дорого ткани и ковры исключительно из глубочайшего уважения к Караберею, они ударили по рукам. Кудыма отсчитал монеты. После чего они омочили пересохшие в спорах глотки дорогим китайским напитком под названием «чай». Напиток Кудыме очень понравился, и он попросил купца со следующим караваном обязательно привезти ему этой чудесной травы.

Тем временем рабы купца нагрузились тюками с товаром. Кудыма тепло попрощался с Карабереем и, во главе небольшой колонны, отправился к своему лабазу. Когда рабы разгрузили товар, Кудыма дал каждому из них по мелкой монетке и отпустил восвояси. Когда рабы, наконец, ушли, Кудыма отправился к своему прилавку посмотреть, как идёт торговля.

Там разворачивалось зрелище, собравшее вокруг себя плотное кольцо хохочущих и кого-то подзадоривавших зевак. Кудыма пробился сквозь толпу в первые ряды. То, что он увидел, ввергло его в гнев, который, однако, моментально растворился в смехе над комичной ситуацией. Несколько чужинцев тщетно пытались отбиться от огромного человека в разорванной до пупа рубахе. Грязный, истоптанный богатый халат валялся рядом. Из разбитого носа на могучую плиту груди текла кровь. Несмотря на численное превосходство противника, человечество, в котором Кудыма узнал утреннего едока, явно одерживал верх. Пара человек сломанными куклами валялась у перевернутого прилавка. К счастью, секира у варяга оставалась на ремне за спиной, а чужинцы не вынули мечей и ножей. Бой шёл чисто на кулачках. Оглушительно ревя разъярённым медведем, викинг ловко и быстро отбивался от десятка чужинцев, что со всех сторон налетали на него взбеленившимися псами. Вот ещё один попал под его могучий удар. Взлетев на воздух, он обрушился на зевак, сбив собою несколько человек. Перевернувшись со спины на живот и с трудом встав на колени, выплюнул на землю пару зубов из окровавленного рта. В толпе оглушительно захохотали.

Тут выступил вперёд Кудыма. По его знаку чужинцы отошли назад.

– Что ж ты, голубь, тут буянишь? – Кудыма без трепета взглянул в белые от бешенства глаза варяга. Толпа затихла в предвкушении нового спектакля. Многие знали Кудыму. Никто не хотел бы с ним сразиться один на один, хоть на кулачках, хоть на оружии. Однако уж больно могуч на этот раз был его противник. И не только силён, но также очень опытен и проворен. В толпе принялись делать ставки, азартно ударяя по рукам и кидая наземь шапки.

Не отвечая на вопрос, варяг молча кинулся на нового противника. Прodelал каскад блестящих ударов кулачищами и ногами в... пустоту. Сзади раздалось деликатное покашливание. И снова спокойный, слегка насмешливый голос спросил:

– Что ж ты, голубь, тут буянишь?

Варяг стремительно развернулся, наотмашь выкинув ладонь на звук. Тут же ударил локтем. И снова удары ушли впустую. В толпе уже откровенно захохотали. Дико завизжав, залётный гость в прыжке поймал Кудыму в свои железные объятия, стремясь его раздавить. Кудыма сделал несколько гибких, малозаметных движений, выскользнул под правую руку варяга, хитрым замком заведя её кисть вперёд и в сторону. Огромное тело грохнулось наземь. Моментально Кудыма повернул руку, заставив варяга буквально повиснуть на ней, просунул напряжённую ладонь ему под кадык и с силой надавил. Через мгновение у варяга глаза практически вылезли на лоб от нестерпимой боли и удушья. Лицо его побагровело. А Кудыма вдруг решил не убивать этого сильного и ловкого человека. Отпустив ему горло и руку, он исполнил мягкий

удар раскрытой ладонью по затылку. Но этого удара вполне хватило, чтобы «голубь» успокоился. Варяг сидел в пыли и бессмысленно шарил вокруг себя могучими руками. К льющейся из носа крови добавилась ниточка клейкой слюны, стекающей изо рта. Все громко и шумно поздравляли чужинца с победой. Кудыма отмахнулся. Хорошее настроение окончательно вернулось к нему.

Осмотрев поверженных и не найдя ничего страшного, если не считать нескольких выбитых зубов да свёрнутой набок челюсти, тут же поставленной им на место, Кудыма подошёл к варягу. Помог ему подняться. И вдруг тот неожиданно захохотал. Оглушительно, звонко, заразительно. Хлопая себя по бокам, он просто ревел он нахлынувшего на него веселья. Глядя на него, остальные тоже заулыбались, а потом рассмеялись от всей души. Вытирая выступившие от смеха слёзы, викинг обнял Кудыму с такой силой, что у того затрещали рёбра.

– Кто ты, достойный воин?! Позволь с этого мгновения считать тебя своим другом. Меня зовут Ингрельд.

– Конечно, дружище. Моё имя – Кудыма.

– Купцов сопровождаешь?

– Да нет, сам торгую.

– Такой боец, и занимается торговлей? Да ты шутишь!

– Ну, почему? Вот этот прилавок, который ты разгромил, как раз принадлежит мне. Точнее говоря, не мне, а моему роду. А я здесь назначен нашим вождём за старшего продавца. Может, ты объяснишь, что случилось?

– Хотел я прикупить доспех. Денег не хватило. Дело не в том, что у меня их нет. Просто нужной суммы с собой не оказалось. А эти... они не поверили мне. Мне, Ингрельду! Вот и всё.

– Ясно. Забирай доспех. Деньги занесёшь в этот лабаз. Или отдашь Угриму. Он передаст мне. Всё?

– Ну, спасибо. Ну, удружил. Поняли, вы? – Ингрельд грозно посмотрел людей, приводящих прилавки в должный вид. – Я, однако, тебе из товара ничего не подпортил? Ты посмотри. Я заплачу!

Кудыма рассмеялся.

– Ни одна из этих безделушек не стоит того, чтобы лишаться вновь приобретённого друга.

– Знаешь что, заходи ко мне в гости. Люб ты мне стал нравом своим и обликом, умением воинским и добропорядочностью. Ведь ты мог меня убить? Мог! Но оставил в живых. Теперь я твой должник и друг. Я живу через пять улиц отсюда. Спросишь, любой ответит. Сопровождаю учёного человека. Имя у него странное, но я привык. Зовут его Ляо-Пен-Су. Придёшь?

– Давай завтра. Сегодня ещё дел много. Хорошо?

В это время чужинцы принесли два ведра чистойшей, до ломоты в зубах холодной, колодезной воды. Варяг снял перевязь с секирой, аккуратно отложил её в сторону, наклонился над ведром, с огромным удовольствием долго умывался и отфыркивался. Потом, без всякого сожаления, скинул с себя изорванную, испачканную кровью рубаху, открыв на всеобщее обозрение могучее, мускулистое тело. Вылил на себя, гогоча, второе ведро. Бережно взял завернутый в промасленную ткань доспех, подобрал оружие и неспешно удалился, оставив валяться на истоптанной земле свой дорогой халат.

Кудыма, улыбаясь, смотрел ему вслед и радовался, что теперь такой человечисше – его друг. Тут его кто-то дёрнул за рукав. Шаман обернулся. Перед ним стоял сильно запылённый воин из его деревни. Его рука сжимала короткое копьё с чёрным лоскутом. У Кудымы дрогнуло сердце.

– Что?

– Шаман, у нас беда. Деревни больше нет.

В лабазе вестнику подали жбан с квасом. Он долго, с наслаждением пил пенящийся напиток. Квас стекал по его длинным усам и бороде на грудь, но вестник не замечал этого. Наконец,

утолив терзавшую его жажду, он отставил посудину в сторону. Оглядел сгрудившихся около него встревоженных сородичей.

– Рассказывай. Только коротко и ясно, – Кудыма жёстко взглянул воину в глаза.

– Сегодня перед рассветом на деревню было совершено нападение. Дозорные проспали. Их вырезали. Ворота открыли, захватили дозорную вышку. Но удалось на первое время отбиться. Пока нападавшие перестраивались, мы оказали милосердие своим тяжелораненым, через подземный ход покинули деревню и укрылись в лесу. Оставшиеся прикрывать отход воины, включая вождя, погибли. Погибли и те, кто решил уйти сам во имя рода.

– Кто напал?

– Ватага, что под Пислэгом ходит.

– Что-о-о?!

– Напала ватага Пислэга.

У Кудымы опустились руки. Как же так? Он с этим воином участвовал в двух набегах на хазар. Держали дружбу, кровью скрепленную. Как мог Пислэг напасть на его деревню? Ведь он прекрасно знал, кого идёт воевать! Не мог не знать. Кто провёл ватагу мимо постов, крепости, засек? Вопросов было больше, чем ответов.

– Значит, так. Ты, ты, ты и ты – остаётесь в Городище. Будете следить за купленным товаром. Далее, вам следует купить котлы, шатры. Вот деньги. Ты, срочно к Караберей. Пусть летит ко мне быстрее стрелы из самострела. Ты, гонец, отдыхай. Да, вестника в крепость послали?

– Ушёл в одно время со мной.

– Кто остался старшим?

– Гондыр.

– Тогда я спокоен.

Внешне Кудыма и впрямь выглядел спокойным. Но внутри у него всё кипело от бешенства. Как мог Пислэг напасть на него, своего кровного брата? Неужели он забыл, как они выпили, смешав, свою кровь, из ритуальной чаши, наточив туда серебра?! И как потом съели разделённую пополам печень могучего воина-хазарина, который убил многих из их ватаги в том памятном бою. С огромным трудом Пислэг и Кудыма вдвоём одолели этого великана. А ведь каждый из них в отдельности по десятку опытных воинов стоит!

Через короткое время к лабазу подошёл Караберей, вытирая пот с покрасневшего от быстрой ходьбы лица. Только лишь взглянув в глаза Кудыме, он сразу понял: случилась беда – такая сочилась из них боль! При этом лицо Кудымы оставалось малоподвижным, губы плотно сжаты, движения не утратили гибкости, а осанка – достоинства.

– Садись, дорогой гость. Кваса гостю!

– Спасибо, – Караберей степенно отхлебнул хлебного напитка, снова вытер пот. – Ты позвал меня. Я пришёл. Неужели товар плохой?

– Нет, дружище. Твой товар прекрасный. Лучше твоего товара найти очень трудно. У меня к тебе другой разговор. Ты сейчас, освободившись от привезённого, будешь приобретать меховую рухлядь, булат, украшения. Так?

– Конечно. Затем и прибыл.

– Не ищи продавцов. Я тебе без торга продам всё. Прямо сейчас. По твоей цене.

Караберей с изумлением взглянул на Кудыму.

– Да что случилось?!

– Беда у меня. Деревню разорили. Деньги срочно нужны. Не до торгов. Понимаешь?

– Э, нет, дружище, так не пойдёт. Мы с тобой знакомы более десяти лет. Неужели я беду твою в своё благо превращу? Сделаем так. Вот тебе крупный задаток. Здесь полста ромейских золотых. На первое время хватит. Лети к своим. Мы же здесь спокойно осмотрим товар, приценимся. Возьмём посредника, что тебя представлять будет. А остаток денег я внесу после

положенного торга. А то, ишь ты, шустрый какой: «Не до торгов», – передразнил Кудыму Караберей. И тут же вспылil:

– Если я купец, так всё и хапну, коли у тебя беда? Себе в прибыль, тебе в убыток, да? А что люди скажут? Кто захочет со мной дела иметь? Хотя даже не в этом дело. Мы давно знакомы. Мне казалось, мы друзья. Конечно, своей выгоды как купец я не упущу. Но не таким путем! А по неписаному купеческому закону! Или ищи другого! Я свое сказал.

– Спасибо тебе, Караберей. Помоги моим людям выбрать хорошего качества шатры и котлы. Все слышали? Вместо себя я оставляю Караберей! Слушать его во всём, как если бы меня!

После ухода купца Кудыма стал быстро собираться в путь. Время уже близилось к вечеру. Но это его не остановило.

Вскоре небольшой отряд из шести человек быстрым походным шагом покинул город.

VII

До деревни добрались уже далеко за полночь. В саму деревню заходить не стали, обошли её стороной, вдоль берега реки. К слегка болотному запаху речной воды со стороны селения налетал тошнотворный запах тления.

Зайдя в лес, Кудыма прокричал дневной птицей. Ему ответили. И тут же перед ним возникли две фигуры. Кудыма поднял лёгкий щит, ошетиленный *сулицей* – лёгким метательным копьем с узким трёхгранным наконечником. Таким копьем, посланным умелой рукой, можно пробить практически любой доспех. Сзади моментально подошли свои, защитив его с боков и со спины.

– Кудыма? – тихо спросил один из дозорных. – Это я, Уса.

– Проводи к роду. Кто второй?

– Лымай.

– Ты, Лымай, останешься в дозоре. Ты останешься с Лымаем, – обернулся Кудыма к одному из своих спутников.

Маленький отряд углубился в ночной лес. Тысячи через полторы шагов вышли они на поляну. Там их встретил ещё один дозор, за которым им открылся нерадостный вид.

Посреди поляны, в вырытых ямах, чтобы не выдавать временное пристанище ярким светом, горели несколько костров. Вокруг них грудились женщины, прижимая к себе испуганных детей. Отдельно от остальных, у своего костра, на краю поляны сидели, понурившись, угрюмые мужчины.

Кудыма беглым взглядом окинул поляну. Вышел из тени деревьев. Прошёл в центр. Люди заметили его, начали подниматься. Вскоре он был окружён плотным кольцом своих соплеменников. Глаза Кудымы невольно вычленили из толпы жену. За её юбку держалась их трёхлетняя дочка; вторая, закутанная в мягкий олений мех, уютно посапывала на руках у матери. Кудыме нестерпимо захотелось подойти к ним и обнять, поцелуями осушить слезинки на их щеках, лаской стереть боль из глаз. Но... но он теперь – вместо вождя. Пока не выберут нового. И первым делом надо решать проблемы рода. Личное подождёт.

А тем временем гул голосов нарастал, слышался плач. Кудыма поднял руку, и шум сразу стих. Наступила такая тишина, что слышно стало, как потрескивают головешки в кострах.

– Люди рода Лося! К нам пришла беда! Но не надо отчаиваться! Вы сумели сохранить самое главное – сам род. Верьте, кость обрастёт мясом! Будет трудно. Очень трудно. Но разве раньше было легче? Вспомните, одиннадцать вёсен назад, из-за постоянных набегов викингов, племя покинуло родные места у моря и переселилось сюда. Одиннадцать вёсен под мощной рукой Перми Великой нас никто не трогал. Как и кто разорил деревню, я узнаю. А теперь ложитесь спать. Утром мужчины пойдут со мной в деревню. Остальным нужно будет готовиться к переселению. Разобьём лагерь около Городища. Выступим на следующий день после обряда погребения. Завтра вечером посередине поляны мне нужен столб Богов. Надо проводить души на ветви Вселенского Дерева. Всё. Расходитесь. Гондыр, отойдём, – обратился Кудыма к могучему, поперёк самого себя шире, воину.

Оправдывая своё имя, воин неуклюже и вразвалку, но при этом как-то необычайно мягко и быстро, оказался возле шамана. Ну, точь-в-точь как медведь, который может глупому, недалёкому человеку показаться увальнем. Пока тот не очутится в его длинных и острых когтях-кинжалах, вблизи от разинутой клыкастой пасти. Но не только своими движениями, а всем телосложением боец напоминал страшного зверя. Сам – приземистый, могучие, волосатые руки-брёвна достают до колен. Перевитый толстыми мускулами торс с распахнутой на широченной груди волчовкой удерживают короткие, мускулистые ноги, обутые в мягкие чуни мехом наружу, башка напоминает котёл для варки пищи. Всё это дополняет туповатое выра-

жение малоподвижного иссечённого шрамами лица с узкой полоской длинных хлипких усов над крепко сжатым ртом. Вот только в этих маленьких глазках светится необычайно глубокий умище и огромный жизненный опыт, которого всякий разумный человек набирается к сорока пяти вёснам. Двенадцать походов за плечами у старого вояки! А сколько битв, стычек, поединков – так он и сам вряд ли вспомнит. Только многочисленные старые шрамы ноют на погоду. А вот новых шрамов не было давно. Слишком опытен стал в боях Гондыр. Ранят обычно молодых – лезут молодые вперёд, без должной оглядки да по своей горячности. Пока опыта и должного хладнокровия не наберут. Но проходит молодость. И если тебя не убили, не искалечили бесповоротно в таком количестве боев и стычек, то только окончательный глупец и безумец будет продолжать получать свежие раны на старые шрамы.

– Рассказывай, – Кудыма тяжело посмотрел в глаза Гондыру, – всё рассказывай, ничего не утаивай. Какой бы тяжёлой ни была правда, мне необходимо её знать. Почему не уберегли деревню? Ведь и вождь, и ты – опытные воины. Да и многие другие – тоже не юнцы сопливые.

Кудыма положил руку на плечо старому воину. И вдруг такая душевная боль пронзила его, что в глазах у него потемнело. Со страшной, нечеловеческой силой стиснул он пальцы. И очнулся лишь от сдавленного стога: могучий воин Гондыр скрючился от жуткой боли в плече. Огромным усилием воли Кудыма заставил себя разжать ладонь. Гондыр рухнул на колени, с усилием, сквозь зубы, втягивая в себя воздух. С изумлением и страхом поднял он глаза на шамана. Он, конечно, знал, насколько силен Кудыма. Но чтобы так силен!..

– Извини, дружище, извини, – Кудыма помог воину подняться на ноги. Скинул заплечный мешок, достал какую-то травку, тщательно разжевал её и приложил кашицу на плечо Гондыра, перетянув его чистой тряпицей. – Завтра к утру всё пройдет. Не беспокойся. А сейчас давай разведём костерок, заварим мяту. Попьём. Подумаем.

Гондыр развёл огонь, поставил на него котелок с водой.

– Слышишь, Кудыма, а ведь на деревню кто-то свой навёл. Ну, не совсем свой, а тот, кто раньше был в ней как друг. Всего он не знает, но знает достаточно. Например, то, что напали именно с самой слабой стороны... Согласись, первое, что придёт в голову чужаку – это сделать налёт со стороны леса. Так?

– Верно, – Кудыма устало потёр лоб.

– Но со стороны леса – сплошные ловушки, ямы, самострелы. Там без шума не пройти. С тыла деревню топь прикрывает – там даже наши не ходят, нет там тропы. Из болота выбегает речка. Она прикрывает левую сторону деревни. Мелкая? Да, мелкая, да топкие берега. Считай, шагов пятьдесят надо гатить. Наскоком не получится. Значит, деревню можно брать только с луга, с Усолки. Хоть там почти тысячу шагов открытого пространства, мощный частокол да крепкие ворота с вышкой – но ведь почти получилось вырезать деревню без боя. Так? Только случайность спасла. Тем более враг прекрасно знал, что в деревне по весне неизвестным мором весь пёсий род выбило. А новых щенков только ты с торгов должен был привезти. И потом – напал на нас Пислэг. Он же твой кровный брат. Почему напал? Деревню брали серьёзным войском. Значит, рассчитывали на большую добычу. Но при этом не ведали, что мы весь товар увезли на продажу. Как нам дальше жить – это тебе сейчас решать. Что решишь, то и будет. А я с тобой во всём соглашусь. Ты не по годам мудр. Вот так.

Гондыр исподлобья посмотрел в разноцветные глаза напротив. Но под их острым взглядом потупил взор, сгорбил могучие плечи.

– И ещё... мы живы... остались... Вождь так велел... Извини...

Кудыма прикрыл глаза.

– Вождь правильно распорядился. Не переживай. Ложись спать. День у нас будет тяжёлым. Очень.

VIII

Солнце ещё не позолотило верхушки деревьев, когда все мужчины рода во главе с Кудымой отправились к деревне. Женщинам и подросткам было велено приготовить праздничный ужин для проводов душ на Древо Мироздания и установить посреди поляны тотем рода, а потом – собрать в вещи дорогу.

Уже за несколько сотен шагов до деревни стал ощущаться запах тлена. В небе кружили огромные стаи ворон.

Людей встретили распахнутые двери изб, зарезанная скотина во дворах и сотни трупов. Основная часть убитых находилась на центральной площади. Невдалеке от капища грудились три кучи мёртвых. Это было то место, где вождь, Зора и Культобей приняли свой последний бой, прикрывая отход рода.

Мужчины прошли к кладбищу, которое располагалось возле болота, и взялись за заступы. В рыхлой земле они вырыли две глубокие, широкие ямы. На самодельных волокушах в одну из них стали стаскивать трупы чужаков, а своих убитых относили в сторону. Затем, засыпав яму с чужими воинами землей, тщательно её утоптали, вбив по центру толстый осиновый кол – чтобы те потом не превратились в упырей и вампиров и не мстили роду за пролитую кровь. Своих же убитых, разобрав несколько изб, обложили брёвнами, облили ароматными маслами и подожгли, а после того как огромный костёр прогорел, тщательно собрали и аккуратно ссыпали обугленные кости и пепел во вторую яму. Затем в эту же яму сложили обереги, амулеты, оружие, еду и питьё, а сверху насыпали холм, после чего долго и старательно утрамбовывали его склоны щитами.

Второй костёр из брёвен разложили на огромных валунах, под которыми были погребены те, кто ушёл из жизни во имя продолжения жизни рода – старые, немощные, больные. Это они в последний момент выбили подпорки и закрыли собою вход в подземный лаз.

Весело и жарко пылали брёвна, ароматный дым уносился в небо. Вслед за тем в костревище также кинули положенные по обычаю вещи, амулеты, обереги. Насыпали и утрамбовали ещё один курган.

Больше в разрушенной деревне делать было нечего. Низко поклонились чужинцы богам на капище, попросив не оставлять их род в беде, и пообещали вскоре предоставить им новое жилище.

Солнце уже начинало клониться к закату, и чужинцы поспешили оставить осквернённое и дурно пахнущее тленом и горелым мясом место, которое еще совсем недавно служило им таким уютным и привычным домом.

Оставшиеся во временном лагере тем временем упаковали нехитрый скарб, который они сумели унести с собой из деревни. Теперь шли последние приготовления для совершения священнодействия по проводам душ убитых в мир иной. Посреди поляны был вкопан оберег рода – столб с магическими насечками и украшениями, увенчанный огромными лосиными рогами. Женщины и дети постарше натаскали к нему огромную кучу хвороста, раскололи на небольшие чурки несколько сухих бревен. Жена Кудымы аккуратно повесила на столб шаманский наряд и положила к его подножию бубен с колотушкой. Несколько женщин приготовили на всех членов рода скромный обед. Так, за хлопотами, незаметно пролетел день.

Когда солнце уже почти скрылось за кронами деревьев, вернулись мужчины. Совершив омовение, все сели вокруг священного столба и разожгли костёр. По правилам, покинувших этот мир родственников нужно было провожать пирогами, зажаренной дичью, рыбой и мясом, медовухой и пивом. Полагалось петь весёлые песни, танцевать, водить хоровод, вспоминая добрым словом каждого ушедшего в мир иной. Но на этот раз прощальный ужин был скудным, а хоровод с песнями так и не случился.

В центр круга вошёл Кудыма. Тихонько ударил в бубен, запел древнюю песню, которая должна была собрать души вокруг него. Закружился в медленном танце вокруг столба. Люди в такт ударам бубна захлопали в ладоши, помогая шаману, и всё больше и больше впадали в экстаз, напевая «Хэйра, Хэйра, Хэйра...».

Никто не обратил внимания на густой туман, спустившийся на опушку. Сверху он плыл белым дымом, а понизу стлался чёрным мраком. Скрутившись в подобие человеческой фигуры, туман опустился на землю. Станный это был человек, наполовину чёрный, как смоль, наполовину белый, как молоко. Это само верховное божество Йомала пришло на поминки. Люди разделяли его на Ен и Омоль. Ен – хозяин Неба, или Громовержец. Омоль – хозяин Преисподней.

Тем временем душа Кудымы отделилась от тела и взмыла вверх. Сверху ей было прекрасно видно, как в ритмичной пляске вокруг костра двигался он сам в центре окруживших его людей. Слышал пение, грохот бубна, хлопки ладоней и клич, повторяемый сотнями голосов: «Хэйра!». Но что-то настораживало его душу, что-то шло не так. Не роились над священным столбом души умерших, не было видно их и в окрестностях разрушенной деревни. Душа Кудымы рванулась вверх, в бездонное, чёрное небо. Где-то далеко внизу остался небольшой синий шарик Земли. Впереди, в бесконечной пустоте, среди россыпи далёких звёзд, обрисовалось Древо Мироздания. Именно сюда, на нижние ветви, шаман должен был привести души и оставить их для последующего переселения в тела новорождённых.

Но ветви оказались пустыми!

Отсутствовали не только души людей, но также тонкие составляющие животных и растений.

Напрасно душа Кудымы то взмывала вверх, то ныряла до самого низа, пробивая насквозь все девять миров. Напрасно она посылала своих помощников: злого кобеля, загадочного Феникса, гибкую ласку, мудрую сову, спасительницу человека жабу и быстрого оленя по горизонталям этих миров. Пусто!

Стало страшно. Это значило, что теперь всё, что родится, тут же умрёт: не будет урожая у хлебопашцев, мёртвоорождённым будет потомство людей и зверей, засохнут лесные уголья. И только насекомые да хладнокровные рыбы, не имеющие тонкой материи, будут господствовать на Земле – правда, недолго, ибо без растений и животных им тоже не выжить.

Но всему на свете отведено свое время, и долго оставаться отдельно от тела душе, пусть даже и очень сильного шамана, нельзя – иначе может порваться тонкая связующая нить. Нитью же этой служит грохот бубна, который не даёт душе заблудиться в бездонных просторах миров. И сейчас слышимость этого грохота становилась все слабее и слабее.

Наконец, отчаявшись, душа стремительно понеслась назад, на Землю, и стрелой ворвалась обратно в тело шамана.

Кудыма издал отчаянный крик, упал на землю и выгнулся дугой в страшной судороге. Крик его перешёл в хрип, изо рта пошла пена. Потом он сник и тут же уснул. Члены племени тихонько, чтобы не потревожить священный сон Кудымы, отошли в сторону. К нему подошла только жена, заботливо отерев его потное тело и положив под мокрую голову сложенный в несколько слоев войлок. И тоже отошла.

Человек на опушке снова превратился в туман и растворился меж стволов.

IX

Кудыме снился сон.

Из ниоткуда, из чёрной пустоты, в никуда течет небольшая прозрачная речушка. Сам он стоит на песчаном берегу, в одних коротких меховых штанах, босиком. Напротив него, через речку, виден цветущий луг, тонущий в белесом тумане. Ни ветерка, ни звука. Даже журчания воды не слышно. Несмотря на яркое солнце в зените, ему ужасно холодно – кожа покрывается мелкими пупырышками, зубы выбивают беззвучную дробь.

Где он? Кудыма оглядывается. Сзади – мрачная, непролазная лесная чащоба. Среди вековых деревьев, почти не пропускающих солнечный свет, стелется хилый молодняк, заваленный полусгнившими стволами рухнувших великанов. Острые сучья, как копья в фаланге, угрожают всякому, кто дерзнет сунуться в лес. Толстый ковер из седого мха усыпан коричневыми еловыми иглами. Острый смешанный запах древесной гнили, папоротника и болота щекочет ноздри. Даже и не пытайся босым да раздетым проникнуть вглубь этой чащи!

Шаман дрожит всем телом, обхватывает руками свои плечи. От отчаяния ему хочется выть одиноким волком-бирюком, выводя страшную песнь, пронзая ею пространство, устремляя ее в равнодушное голубое небо над собой. Кудыма запрокидывает голову, шея его начинает непроизвольно сокращаться в попытках выдавить хоть какой-нибудь звук. Усилия тщетны. Только горячие слёзы бегут по щекам, крупными, солёными каплями падая ему на грудь, да нестерпимо щиплет глаза.

И вдруг из тумана на луг выплывает фигура лося. Сохатый неслышно переходит речушку и подходит вплотную к Кудыме. Могучая стать, огромные, золотистые лопаты рогов с бесчисленными ветвистыми отростками. Положив тяжёлую голову на плечо шамана, лось шумно вздыхает. Всем своим промёрзшим телом Кудыма ощущает жар, исходящий от животного, он вбирает его в себя каждой клеточкой, каждым своим волоском. Неожиданно в пространстве раздался сильный хлопок – как будто кто-то резко сорвал с головы шамана невероятно плотную шапку-ушанку, и со сразу же всех сторон хлынули звуки: бормотание воды, стрёкот кузнечиков и шелест трав на лугу, пение мелких пичуг, хриплый всхрап старого ворона, монотонное комариное гудение. Кудыма обнимает руками мощную шею лося, припадает к ней залитым слезами лицом, что-то шепчет. Как дитя, в минуту опасности бессознательно жметесь к матери, так и шаман приник к сохатому, не стыдясь ни своего недавнего отчаяния и страха, ни своих слёз. Зато теперь ему всё нипочём. Сам Великий Предок рода посетил его, чтобы вдохнуть в него силу и уверенность в завтрашнем дне.

И сказал ему Великий Предок: «Ты отправишься на Мань-Пупу-Нер⁹. Быть тебе там в середине месяца Изок¹⁰. Придя, соверши древний обряд Человека Равного Богам. Некоторые из нас забыли, почему первенство было отдано в своё время именно людям, а не животным, птицам или рыбам. Необходимо им напомнить о том, что Высшие нужны, покуда существует человек – зверям, птицам и рыбам они глубоко безразличны. Без сомнения, обрядом ты разгневаешь некоторых из нас. Но на то ты и шаман, чтобы не бояться никого из мира нематериального. Боги тоже должны знать своё место! Помни об этом, чтобы ни случилось! А также о том, что ты, человек, – не какая-нибудь мелкая козявка, но целая Вселенная! Заяви о своих правах, и там, на Мань-Пупу-Нер, ты получишь ответ на свой главный вопрос. Я тоже буду ждать тебя. Возьмёшь с собой на это священное место того, кому безраздельно доверяешь.

---

⁹ Мань-Пупу-Нер (Болвано-Из) – плато на Приполярном Урале со столбами останцев. Культурное место у северных народов Урала с древнейших времён и до сегодняшнего дня. Останцы расписаны священными письменами и рисунками.

¹⁰ Июнь.

Пока душа твоя будет занята беседой с богами, этот человек должен присматривать за твоим телом. Не бойся за него, грехом ему это считаться не будет, ибо такова воля Высших. А пока – прощай»!

Лось начал таять в наползающей дымке. Пропало и ощущение тяжести на плече. Стали расплываться очертания луга, речушки и леса.

Кудыма открыл глаза. Он навзничь лежал на земле, под его голову был заботливо подложен свернутый войлок. Тело ныло. Перед глазами плясали жёлтые лепестки затухающего костра.

Х

Еще не рассвело, когда род тронулся в путь. Дорога от деревни до Городища, шириною в две повозки, шла вдоль реки. Ветерком относило в сторону гнус и комарьё. Идти предстояло сравнительно недалеко – воинским шагом весь путь занял бы ровно один световой день. С женщинами да малыми детьми добирались два. Шли почти налегке – да и что было брать с собой! – только то, что смогли унести, в спешке покидая деревню через подземный ход.

Сразу после отправления Кудыма послал вперед гонца с вестью о том, что племя вскоре прибудет в Городище. Когда подошли к стенам города, там их уже ждали. Один из оставленных в городе чудинцев повёл их за собой. Не заходя внутрь, они вдоль рва обогнули крепость в сторону реки, где на расстоянии полёта стрелы был разбит временный лагерь. Среди шатров суетился Караберей. Горели костры, над ними висели огромные котлы с аппетитно булькающим варевом из мяса, овощей, специй и трав. Рядом, на чистом рядне, высились горы свежих лепёшек.

Чудинцы нестройной толпой подошли к стану. Навстречу им вышел купец. Низко поклонился Кудыме. Кудыма отвесил Караберею ответный поклон.

– Здравствуй, шаман.

– И ты здоров будь, Караберей.

– Всё готово. Но сперва давайте поедим. И ты, и твои люди многое испытали за эти дни, устали с дороги, голодны. Потом нужно всех разместить по шатрам. А завтра, когда ты отдохнёшь, поговорим о делах.

После щедрого ужина рабы и приказчики купца развели утомленных людей семьями по их новым жилищам. Многие женщины плакали – нет у них теперь деревни! нет рядом с ними любимых! кто теперь приголубит, защитит семью от бед, принесёт в дом добычу, набьёт на торг шкурок пушного зверя, кто?!

Глядя на плачущих матерей, заревели и дети. Только подростки упрямо сжимали побелевшие губы, хотя и у них предательски заблестели глаза.

Хуже всего было тем, у кого погибли не только отцы, но и матери, ибо в сражении, наравне с мужчинами, участвовали многие женщины.

Но семя рода – превыше всего. Осиротевших детей, по указу шамана, забрали другие семьи. Отныне они войдут в приютившие их семьи наравне с родными чадами. А все вместе в итоге образуют племя. А со временем из мальчиков вырастут новые мужчины, а девочки заневестятся – род снова будет жить!

Но тут Кудыме на ум вновь пришло Древо Мироздания с пустыми ветвями. Защемило сердце. Как быть? Вспомнился Великий Предок, его спокойная сила и уверенность. Вспомнились его слова. И Кудыму отпустило. Он залез под мягкую оленью шкуру и крепко обнял податливо-упругое нежное тело жены. После длинных сладких мгновений любви так и уснул у неё на откинутой руке безмятежным сном впервые за несколько прошедших суток. Жена, стараясь не разбудить, ласково и осторожно гладила его чёрные жёсткие длинные волосы. А по лицу текли и текли слёзы. Слёзы счастья и горя одновременно. В углу шатра мирно посапывали дети. Двое своих детишек и трое принятых. Но теперь тоже своих. Выросла семья на двоих мальчиков и девочку.

Утром пришёл Караберей. У входа в шатёр Кудыма радостно встретил старого друга. Зная, что хмельное Караберею не позволено его верой, щедро налил в чашу крепкого мясного бульона, усадив гостя на специально разостланный для него мягкий ковёр. По знаку вождя его сородичи принесли восточные сладости, свежие лепёшки, пахучий мёд. Не желая обидеть хозяина, купец отведал поданные угощения, хотя перед этим уже успел, по старой привычке плотно закусить с утра на весь предстоящий день, наесться в избе-едальне по самое горлышко.

В это время весть о том, что в лагерь явился купец, успела облететь весь стан. К шатру вождя понемногу стали подтягиваться люди. Караберей встречали доброжелательными взглядами, улыбками, радостным помахиванием рук. Он даже испытал некоторую неловкость, почувствовав себя объектом всеобщего внимания.

Однако настала пора заняться делами. Подробно и обстоятельно, сверяясь с записями, Караберей тщательно отчитался Кудыме о проданных товарах, о том, сколько было потрачено на шатры, на утварь, на еду и на одежду, сколько денег осталось. Потом передал ему два кошелья, туго набитых золотыми и серебряными монетами.

Кудыма слушал внимательно. Он не сомневался в честности купца, однако не желал оскорблять его невниманием. Караберей, сразу поймёт, как именно ему внимают! Тот ещё жох! Битого купца на мякине не проведёшь! А то, что он сделал для чудиновцев за столь короткий срок, можно смело приравнять к подвигу на поле битвы – только поле битвы здесь было купеческое: продать весь остаток, что не выкупил сам, да приобрести эту огромную кучу утвари, так необходимой чудиновцам в первое время на новом месте, не забыв ни об одной мелочи! Кудыма прекрасно знал купца, и, мысленно улыбаясь, представил себе, как Караберей воевал за каждый дирхем, ибо какая покупка обходится без яростного торга?

Но купить – ещё мало! Нужно получить разрешение Городского Совета на размещение лагеря под стенами города, установить шатры, занести и разместить в каждом из них необходимое для обыденной мирной жизни. Не забыть проделать ещё тысячу незаметных, но очень важных мелочей, дабы люди ни в чём не нуждались. И всё это за четыре дня!

Кудыма внимательно всматривался в усталое, осунувшееся лицо купца, и его вдруг захлестнула волна нежности. В глазах защипало. Дабы не выдать нахлынувших чувств, он опустил ресницы. Нервно сжал ладони в кулаки. Вспомнился Пислэг. Судьба сыграла с Кудымой злую шутку. Своим внутренним зрением он сейчас ясно видел, что этот купец – и есть его истинный кровный брат, в трудную минуту сделавший в трудную минуту для племени больше, нежели кто-то другой. И подумал о том, что не наточенным серебром и кровью в чаше измеряется кровное родство, но делами, и что Караберей заслужил почёт и уважение всех членов племени Чудь из рода Лося. Всех без исключения! И он, Кудыма, если будет нужно, отдаст за купца свою кровь хоть по капле, хоть всю сразу.

Справившись с подступившим к горлу комком, Кудыма положил ладонь на плечо Караберей.

– Я не знаю, как и чем отблагодарить тебя за всё, что ты для нас сделал. Разве что не откажешь принять этот скромный дар...

Кудыма протянул руку. Стоявший рядом Гондыр вложил в неё тугой свёрток.

– ... вот эту шубу.

Кудыма развернул дорогой подарок, встряхнул его, накинул на плечи купцу. И заиграл загадочными блёстками великолепно выделанный соболий мех, и ласково заструилась рыжая лисья река на оторочках, и засверкали золотистые кольца застёжек тонкой работы, сделанных в виде стремительно несущегося северного оленя с запрокинутыми на спину ветвистыми рогами. Затем Кудыма аккуратно положил перед гостем широкий пояс-подвязку из горносталя, а также гребень из моржового клыка для ухода за шубой, искусно расписанный сценами охоты и быта юкагиров. Для сохранности гребень был завёрнут в бобровую шкуру добротной выделки.

Было время, когда Кудыма сам подбирал, обрабатывал и сшивал мех. Ожидая рождения сына, втайне от жены он готовился, в честь предстоящего события, ей преподнести сей ценный дар. Однако ни тогда, ни до сих пор соответствующего повода им обоим так и не представилось. А с другой стороны, чем ещё можно отблагодарить Караберей от имени всего племени за всё, сделанное им, если ничего более ценного у него не осталось? А жена – она женщина мудрая, она сможет все понять и, правильно оценив приносимую жертву, не поддастся чувству обиды.

Разве даже самая дорогая вещь может заменить искренние чувства? Кудыма в это не верил. А если такое с кем-то и случается, значит, не было между ними настоящей любви. Конечно же, всегда приятно одаривать любимую женщину, наслаждаясь радостным сиянием ее глаз, ярким румянцем и исполненным благодарности поцелуем... Однако бывает и вот так, как сейчас.

Купец ахнул. Ведь эти шуба и гребень вместе по цене равны целому состоянию! Одна только шуба стоит вдвое дороже, чем весь товар, скупленный им на меховой ярмарке, да ещё почти столько же можно купить лишь за один этот гребень. Дрожащими руками погладил он шубу, провёл пальцами по изображениям на гребне и, потрясенный, поднял глаза на вождя.

– Спасибо, друг... Но не могу я принять от тебя этот дар! Нет-нет, не подумай плохого! Просто пожалей меня! Разве не ведомо тебе, что носить такие вещи, равно как и обладать ими, у нас **ИМЕЮТ ПРАВО ЛИШЬ ЦАРСТВЕННЫЕ ОСОБЫ!** С меня же, простого купца, за них снимут голову! Прежде нее, правда, сняв шубу да отобрав гребень. Шила ведь в мешке не утаишь, а узнает мой владыка про такой дар – тут и Аллах не поможет, хвала Ему! Либо по возвращении я должен буду сразу бежать во дворец и распластаться ниц перед падишахом, преподнеся это чудо ему лично. А во дворце – целая свора, начиная от завистливых дворцовых стражников и евнухов до ещё более завистливых визирей и дворцовой челяди. А жёны и наложницы?! Храни, Аллах, от женской зависти! Попробуй кому-то из них что-нибудь не подарить, или одной подарить что-то хуже, чем другой... Как известно, ночная кукушка дневную перекукует. Да с меня ведь кожу живём снимут, на кол посадят, сварят в кипящем масле! И если я останусь просто жив, даже вконец разорившись, – то уже буду бесконечно счастлив! Пожалей же меня, Кудыма, забери свой дар обратно!

Купец повалился в ноги Кудыме. Кудыма поднял купца с колен, снова усадил его рядом с собой. Решение пришло неожиданно даже для него самого.

– Караберей, когда ты отправляешься обратно домой?

– Собираюсь послезавтра утром. До Кята¹¹ путь неблизкий. Сегодня окончательно упакуюсь, потом посмотрим верблюдов, лошадей – дорога-то дальняя! Может, перековать надо, может, ещё что. Затем думаю пройтись по лавкам, докупить кое-какую мелочь. Зайду к другим купцам, что в мою сторону тропу поведут. Охрану ведь еще нужно нанять, и лучше всего это сделать сообща. А что?

– Скажи мне, Караберей, а велика ли твоя семья?

– Да зачем тебе?

– Я всё объясню. Но чуть позже. Знаю, говорил ты мне, что у тебя, слава богам, третья внучка родилась. Да ещё боги тебе, помимо трёх девиц, внука дали – будет тебе утешение в старости. Ну, а нельзя ли про всех рассказать?

Кудыма, словно невзначай, снова накинул на купца сброшенную им шубу. Купец нервно повёл плечами, но во второй раз сбросить подарок не решился.

– У меня две жены. Три сына и две дочери. Дочери, слава Аллаху, выданы замуж за почтенных людей. Не наложницы. Одна, которая старшая, принята второй женой в семью богатого, уважаемого человека, а младшая стала первой женой у воина из шахского войска. Достойный молодой человек достойных родителей, хоть и небогатых. Обе дочери любимы. Что ещё женщине нужно? Два сына, старший и младший, – женаты. У них пока только по одной жене. А средний, балбес, никак не может жениться. Точнее, не хочет. Ну, да я его и не тороплю. Понимаю. Девушку, которую он любил, продали в наложницы к визирю. Страдает, бедняга, места себе не находит. Родители же наши умерли несколько лет назад. Чума свирепствовала. Унесла тогда смерть не только достопочтенных, но и третью, самую младшую мою жену и двоих детей – мальчика и девочку. Вот и всё.

– Скажи мне, Караберей, легко ли тебе живётся у себя на родине?

---

¹¹ Кят – столица Хорезма до конца X века. После была перенесена в Ургенч

Купец изумился:

– Живу себе и живу. Никого не трогаю. Но и ко мне не лезь. Налоги плачу исправно, торгую вот. К вам десять лет назад тропу протоптал. Сколько раз у вас был? Сейчас восьмой. А жить везде одинаково трудно. И везде одинаково легко. Да куда ты лабиринт разговора-то ведешь?

– Хочу я тебе, Караберей, предложить стать Отцом Рода. Не вождём, а Отцом. Это значит, что все люди племени Чудь рода Лося будут считаться твоими детьми и внуками. Окружённый почётом и уважением спокойно и благосклонно проведёшь ты свои дни, отмеренные тебе богами. Разве это не счастье – встретить старость в окружении нескольких десятков, а то и сотен вечно чумазых, галдящих, называющих тебя «Дед» внуков и внучат? Разве не счастье вытирать эти вечно сопливые носы, командовать этой оравой, рассказывать им летом у костра, а зимой у очага по вечерам сказки и былины, поведать им о бесконечности этого огромного мира... Ведь ты всю жизнь провёл в дороге, видел столько стран и народов. Научить детей мудрости на опыте своих прожитых лет и пройденных дорог? Но и это ещё не всё. Твоя забота – это не только забота о самых маленьких. Будешь ты представлять род на торгах. Будешь собирать, подготавливать товар, упаковывать его, принимать заказы. Нужно умение и выгодно продать, и выгодно купить. И снаряжать караваны, и верно угадать, что нынче в цене, а что пока следует придержать. И провожать напутственным словом молодёжь в обязательное наборное войско. И по справедливости судить возникающие тяжбы, и соединять вместе сердца возлюбленных... Да мало ли дел у Отца такого огромного семейства?! Но даже если мое предложение и покажется тебе слишком странным, оно не должно слишком удивлять тебя – ведь у нашего племени не осталось никого из старших! Совсем недавно все они ушли на Древо Мироздания. А кто теперь будет учить молодёжь уму-разуму? Ведь всё всегда передаётся от старшего поколения младшему. Не отказывай, прими это достойное тебя звание! Ты столько сделал для нас! Так неужели теперь бросишь на произвол судьбы, без своего мудрого совета и доброго слова?

И Кудыма опустил на одно колено перед вскочившим на ноги Карабереем. Склонил голову. Вокруг раздались одобрительные возгласы чудицев. Заражённые примером своего шамана и чувству правоту его слов, люди, один за другим, точно так же опускались на одно колено и склоняли головы, заранее признавая в Караберее старейшину рода. Спазмы сжали купцу горло. Слезы потекли у него из глаз. Он мог ожидать чего угодно, но только не такого почёта и уважения со стороны представителей чужого племени. Быть Отцом Рода – разве мыслимо мечтать о чем-нибудь более почетном в этой жизни? От таких вещей не отказываются. Но как быть с семьёй? И Караберей напрямую спросил об этом Кудыму.

– Скажи самое главное, – Кудыма поднял склонённую голову, внимательно посмотрел на купца своими разноцветными глазами, и тому показалось, что взгляд шамана проник в самые потаенные уголки его души, – ты согласен? Об остальном не беспокойся, решим всем миром.

– Да, я почти за великую честь оказанное мне доверие, – и Караберей судорожно вздохнул. – Я согласен на предложение. Но есть ещё один очень важный вопрос – а как быть с верой?

– А разве тебе нужно её менять? Каждый верит. Просто молится по-разному. Никто и никогда не посмеет навязать тебе своё видение мира. Как и ты этого не сможешь. А забота о детях своих – она идёт от сердца, и веры она не касается.

Караберей обвёл взглядом этих высоких, красивых, голубоглазых, черноволосых людей¹², которые теперь, с этой минуты, стали его семьёй, и низко поклонился им, признавая правоту слов Кудымы и принимая на себя звание Отца Рода.

Люди возликовали. О таком Отце можно было только мечтать!

---

¹² Последние поселения этого языческого народа ещё существовали на территории России после Революции 1917-го года и находились под Новосибирском. Эти люди утверждали, что переселились сюда с Урала. В конце 30-х годов XX в. племя загадочно и окончательно исчезло (есть предположения, что оно ушло дальше, в глухую тайгу).

Кудыма снова про себя улыбнулся. Какие испытания готовят ему боги, он еще не знал. Зато был абсолютно уверен, что теперь его род не пропадет ни при каких обстоятельствах. Ведь лучшего старейшину ему было бы и не найти. Караберей много путешествовал, повидал много разных стран и людей. Он по-житейски мудр, по-купчески скуп, щедр по отношению к родным. За ним род будет как за каменной стеной. Ну и что с того, что он хорезмиец, а не чудинец? Разве только этим меряется уважение соплеменников? Тем более что с этого момента он стал одним из своих!

В итоге решили так. Караберей отпускает на волю всех своих рабов. Если кто-то из них изъявляет желание остаться, пускай вливается в племя; ему найдут достойную жену. Тем более что мужчины нужны роду как никогда. Сам же Караберей, в сопровождении теперь уже чудинцев, отправляется в далекий Хорезм и как можно скорее продает там свой товар, а также дом и утварь. Затем закупает новый товар и, забрав семью, возвращается обратно, где его с нетерпением будет ждать уже другая, огромная, новая семья – целое племя!

Кудыма тут же, на месте, назначил двадцать мужчин сопровождающими купца во время похода. Кроме того, отправиться вместе с ними решили еще пятеро его бывших рабов, которые захотели вернуться домой, в Хорезм. Вечером все выбранные в качестве сопровождающих должны были явиться к купцу и поступить в его полное распоряжение. Остальные семеро отпущенных на волю пожелали остаться в роду Лося, ибо возвращаться им было не к кому: вся их родня была в свое время перебита, после чего каждый из них попал на невольничий рынок, где в итоге их и купил Караберей. Теперь же, по всем правилам и законам, всем бывшим рабам были отписаны вольные.

Кудыма не зря решил послать с купцом такой многочисленный отряд вооруженных воинов – в дороге всякое может случиться, да и у хорезмийцев не здорово рты раззявятся на добро купца по его прибытии в славный город Кят. По крайней мере, Кудыма на это очень надеялся.

Караберей ушел в Городище, готовиться к отъезду.

У Кудымы словно каменная гора с плеч свалилась.

Теперь оставалось сделать последнее – как можно скорее прибыть в столицу Перми Великой, Афакуль¹³, и предстать перед Советом Старейшин.

---

¹³ Развалины этого города (VI–XIV вв. н. э.) располагаются в Карагайском районе Пермского края, в 1 км на юго-западе от села Рождественское, на высоком мысе левого берега реки Обва. Площадь поселения – около 30 тыс. м². С севера площадка защищена высоким валом. Афакуль в VIII–XII вв. был столицей Перми Великой.

XI

Ближе к полудню в становище ворвался вихрь. Он пронёсся меж шатров, вздымая их по́лы, размётывая пепел костров, и остановился у входа в жилище Кудымы. Это примчался Ингрельд. Он крепко обнял Кудыму.

– Всё знаю. Ничего не говори. Скажи только, чем могу тебе помочь? Тебе и твоему роду.

– Спасибо, спасибо тебе, дружище, за искренний порыв, – Кудыма усадил рядом с собой варяга, налил ему медовой браги в деревянную расписную чашу. – Но я пока, право, не знаю чем. Да и связан ты сейчас обязательствами. Человека вот важного из Царств Западного края сопровождаешь.

– Ну, насчёт этого не беспокойся. Уехал он вчера с попутным караваном к себе на родину. Я же нанялся его сопровождать только до Городища. Так что теперь ты можешь полностью располагать мною.

Кудыма всмотрелся в открытое, взволнованное лицо Ингрельда.

– Завтра утром я отправляюсь в столицу. Пойдёшь со мной?

– Конечно! А то я совсем уже здесь запис. Слушай, Кудыма, ты собираешься мстить за разгром деревни и убийство твоих людей?

– Сначала мне надо поговорить со старейшинами. Ты ведь знаешь, что без их ведома я не могу принимать такие важные решения. Это война. А на войне я один немногочислен. Значит, необходимо будет войско набирать. Потом нужно позаботиться о выборе нового места для поселения. Да и как я своих людей сейчас брошу? Я теперь вместо вождя. И я же – шаман. Нужно замену себе подыскивать. Одним словом, пока и без того хватает забот на первое время.

– Всеми своей черед. Ты, главное, ответь, не откажешь ли мне, если вдруг воевать пойдёшь? Нет-нет, не за деньги, не наёмником! Просто люб ты мне. Что серебро и золото стоят против дружбы? Сегодня они есть, завтра их нет. Ветерок. Пустое.

Кудыма не стал рассказывать варягу ни про Древо Мироздания, ни о своем вещем сне – зачем? Он лишь просто ответил:

– Ингрельд, я ещё раз благодарю тебя за предложенную мне помощь и с почтением принимаю твоё предложение. Прошу тебя остаться и сопровождать меня в походе, если такой состоится. Тебе нужно сходить в город, для того чтобы собраться?

– Всё своё ношу с собой, как говорил один греческий мудрец Биант Приенский. Переночую сегодня у тебя, пока свой шатёр не поставил. Примешь?

– Располагайся.

Ингрельд забросил в шатёр тощий мешок с личными вещами, аккуратно положил поверх него смазанную густым слоем жира¹⁴ тяжёлую боевую секиру из превосходной стали, с высеченными на ней руническими заклинаниями, небольшой окованный по краям щит, завернутый в промасленную ветошь пластинчатый доспех, и, оставив на поясе меч, отправился беспечно гулять по стану.

Как только Ингрельд ушёл, в стан пожаловал ещё один гость, Большой Воевода по прозвищу Щука. Кудыма хорошо знал этого старого, опытного воина, который сейчас командовал дружиной Перми Великой.

Тридцать шесть вёсен назад ватага славян, предварительно вырезав немногочисленную заградительную заставу, напала на одну из пограничных деревень Пермии, где расположился на ночлег караван. Совместными усилиями местных жителей и охраны каравана атака была отбита. Много народу полегло в том ночном бою. Хорошо, что отправленный в самом начале боя гонец успел добраться до крепости, где стоял гарнизон. Под утро явилось подразделение

---

¹⁴ Нержавеющая сталь была открыта Гарри Бреарли только в 1913 году.

регулярной армии, и ватага отступила. Началось её преследование. Несколько суток славяне тщетно пытались оторваться от погони. Они петляли по болотам, шли по руслам студеных рек, запутывали следы в дремучих лесах. Но следопыты не отставали, а за ними шёл основной отряд. После череды мелких стычек в тайге ватага засела в небольшой, пустующей уже около десяти лет полуразрушенной пограничной крепости, решив дорого продать свою жизнь. Раньше здесь проходил караванный путь на Новгород. Гарнизон встречал купцов и провожал их до города. Теперь же был проторен новый, более удобный путь, и старую заставу забросили. Неподалеку от укрепления находилась небольшая славянская деревушка. Её жители, боясь быть убитыми или угодить в рабство, тоже укрылись в крепости – вдруг все-таки удастся вместе отбиться от пермских дружинников?

Штурм продолжался всё утро. Копья и сулицы скрежетали о доспехи, звенели мечи и топоры, стрелы с тупым звуком втыкались в щиты. Убитые и тяжелораненые, скатившись с вала, грудились в неглубоком рву. Несмотря на мужество и отчаянную храбрость оборонявшихся, к полудню оборона была в нескольких местах прорвана, и торжествующие победители хлынули в крепость, без жалости убивая всех подряд. Кое-где им ещё оказывали сопротивление, но в целом исход боя был решён.

Жизнь и смерть нас не спрашивают. Всё свершается в назначенное для него время. Именно в этот роковой час беременная славянка, сжимая в зубах деревянную рукоятку ножа, чтобы не завять от рвущей низ живота дёргающей боли родовых мук, прямо на земле, под стеной какой-то ветхой постройки, разрешилась от бремени. Некому было принять ребёнка. Молодая мать сама перерезала пуповину и перетянула её суровой нитью. Сама избавилась от последа. Взяв новорождённого за ножки, тряхнула его и крепко хлопнула по ягодницам. Новорождённый зашёлся криком, очищая лёгкие от околоплодной жидкости. Затем мать дрожащими руками вытерла тело сына исподней юбкой и, укутав его, поднесла к груди. Притихший младенец припал к соску и, жадно и сладко причмокивая, начал сосать.

Пробегавший мимо воин на ходу полоснул острым железом по мокрому от пота, беззащитному женскому виску.

Когда всё закончилось и победители стали стаскивать трупы в одну большую кучу для их последующего погребения, сосунка обнаружил поседевший в боях ветеран. Младенец лежал, придавленный мёртвой матерью; он был весь покрыт коркой уже успевшей подсохнуть крови и молчал. Сначала воин подумал, что ребенок мёртв. Однако тот оказался на удивление живуч. Когда ветеран вытащил его из-под убитой матери, он громко, во всё горло, басовито заявил о своём праве на жизнь и, ухватив окровавленными ручонками бороду воина, потащил её в рот. Тот заглянул в пока ещё бессмысленные, бесцветные глаза ребёнка, и вдруг что-то дрогнуло в душе старого вояки.

– Я назову тебя Кукушонком. Расти, малыш.

В опустошенной деревне нашли козу. Воины с шутками и смехом надоили молока и покормили найдёныша. Козу забрали с собой. Вместо мамки будет!

Узнав об уничтожении славянской деревни и избиении её жителей, разгневанный новгородский князь Гостомысл хотел было пойти войной на Пермь Великую, но, когда его послам предъявили неопровержимые доказательства того, что первыми начали именно славяне, остыл. Да и бояре отсоветовали ратиться с грозным восточным соседом до тех пор, пока Новгород не будет полностью обнесен крепкой стеной с высоким валом.

Однако пора отвлечься от дел государственных, хотя именно благодаря набегу славян в Городищенской слободе появился мальчонка по имени Кукушонок. Рос среди оружия и запаха кожаных доспехов, в особой атмосфере, пропитанной духом солдатчины. Был он ничьим сыном, и в то же время считался сыном всех слобожан. Научившись плавать, полюбил водную стихию и всё свободное время проводил на реке, за что и получил второе имя – Рыба. А когда совсем вырос и стал знатным воином – опытным, безжалостным, беспощадным, жадным до

крови и металла – его прозвали Шукой, за жёсткий нрав и серые, отливающие сталью, холодные глаза. Никто не мог устоять против него в бою на боевых топорах; в совершенстве владел он и любым другим оружием. От природы любознательный, он выучил греческий и славянский языки, как родной, свободно говорил по-хорезмийски и по-франкски, читал и разговаривал по-арабски. Знал латинское письмо. Имел богатую библиотеку, которая постоянно пополнялась благодаря приходившим с караванами купцам. Общался с пруссами, викингами, русами и вендами.

Четыре года назад, став Большим Воеводой, начал применять он знания, почерпнутые из книг, в военном деле.

Сухощавый, небольшого роста, обликом своим действительно напоминавший шуку, он наводил ужас на врагов. При нём отчасти угомонились противившиеся объединению манси, затихли вятичи. Иногда, правда, соседние племена и народности еще совершали краткие, незначительные набеги, однако от больших войн вот уже пару лет предпочитали воздерживаться. Ещё были свежи воспоминания, как возглавляемое Шукой войско вторглось в земли вятичей и стёрло с лица земли несколько деревень подряд вместе с их жителями. Пленных не брали – всех без исключения: старых и малых, мужчин и женщин, и даже младенцев – развешили по деревьям. То-то был пир для воронов! Тогда же один из родов манси, особенно досаждавший Перми Великой, по приказу Шуки, был обнаружен следопытами, и, хотя становище располагалось за Каменным поясом, войско сумело незаметно к нему подобраться, окружить и – в короткой, злой схватке – уничтожить. Снова не оставили в живых никого. И бросили их непогребёнными, что было страшнее самого убийства.

Кудыма принял столь высокого и уважаемого гостя стоя. Поклонился в пояс. Шука уважал и ценил Кудыму не меньше, и поэтому, приняв поклон, в свою очередь поклонился.

Жена вождя в одно мгновение расстелила перед шатром скатерть, выставила богатое угощение, принесла жбан с медовухой. Сама же уселась у входа в шатёр с малышкой на руках. Оголив свою красиво очерченную грудь, она спокойно принялась кормить младенца.

Шука прищелкнул языком:

– Счастливый ты, Кудыма. Эх, будь моя воля, увел бы у тебя жену. И детей бы прихватил.

– А чем же тебе твоя не угодила? – похвала была Кудыме приятна, и он этого не скрывал.

С нежностью посмотрел он на свою Пожум¹⁵, прозванную так за ее стройность и стать.

– Э, сравнил! – Шука хитро прищурился. – В чужом дворе всегда яблоки слаще. Разве не знал?

Потом воевода и вождь не торопясь приступили к трапезе, степенно расспрашивая друг друга о семейных делах, планах на урожай, прошедших торгах, о здоровье родных и близких. Будто не было набега и уничтожения чудской деревни. Но обычай требовал, прежде чем перейти к делам серьёзным, нужно обговорить дела текущие. Угоститься тем, что боги послали.

Рядом с ними сидел и скромно помалкивал Гондыр.

Наконец, обсудив дела текущие и насытившись, они перешли к главному, к тому, зачем, собственно, и явился на встречу Шука. Подробно и обстоятельно расспросив Гондыра о нападении, а также Кудыму о последующем погребении, Шука задумчиво произнёс:

– Понимаешь, Кудыма, здесь всё очень и очень непросто. Я бы даже сказал, странно. И не то чтобы просто много вопросов, а вообще этот набег – один большой вопрос. И ответов на него я пока не вижу, – Шука потёр лоб, – я посылал следопытов в твою бывшую деревню. Тебе было некогда этим заниматься, и это понятно, но мне, как воеводе, необходимо. Начнём сначала. Гондыр, повтори ещё раз, сколько приблизительно воинов напало на селение?

– Думаю, больше тысячи. Ну, может, тысяча сто или тысяча двести.

– Кудыма, сколько чужих воинов вы похоронили?

---

¹⁵ Пожум – Сосна.

– Две сотни и ещё семьдесят четыре человека.

– Сколько своих?

– Да, почитай, шесть сотен и ещё двоих. Это не считая стариков. Дрались-то без доспехов, наспех вооружённые. Да и женщин полегло немало.

– Скажи мне, вождь, когда ты исполнял обряд *Важэсо касьтылом*, ты ничего странного не увидел? – воевода прямо-таки впился взглядом в глаза Кудымы. – Ой, не хитри! Я ведь многое вижу! Только не обо всём говорю. Если ты сейчас не готов отвечать, лучше не говори вообще ничего. Скажешь, когда сможешь. Только не лги.

Кудыма опустил разноцветные глаза.

– Мне сначала с богами посоветоваться нужно. Если они позволят, я всё расскажу. Если нет, не обессудь.

– Ладно, будь по-твоему.

Теперь о непонятных мне вещах. Пислэг – и это ни для кого не секрет – твой кровный брат, – палец Шуки легонько ткнул Кудыму в грудь. – Кровное братство – оно выше семейных уз. Выше веры в богов. Выше всего. И твой кровный брат нападает на твою деревню. Почему? Далее. Род Пислэга до недавнего времени входил в наш союз, и только три года назад ушёл на вольные хлеба, дабы не платить налогов. Это дело добровольное. Если какое-то племя или род что-нибудь не устраивает в союзе, оно уходит. Но и лишается при этом защиты, доли, выпасов и всего другого, что ему было до этого положено. К чему я это говорю? Ушли они совсем недавно, и Пислэгу было прекрасно известно, в какое время увозят товар на продажу и когда приходит основная масса караванов. Понимаешь, Кудыма? Он знал, что товара в деревне нет. Значит, приходил не грабить. Знал и то, что ты с товаром в Городище. Значит, не собирался тебя убивать. Тогда зачем вообще приходил? В чём был смысл набега? Но и этого мало! Вот скажи мне, Гондыр, – теперь воевода легонько ткнул пальцем воина, – с кем вы сражались? С людьми? Или с духами?

Гондыр растерялся от неожиданности.

– С людьми. Мы их убивали. Они умирали. Была кровь. И они нас убивали. Простым оружием. А что? Да ведь мы же их потом хоронили! И воняли они, как и положено трупам, – Гондыр с изумлением посмотрел на Шуку, затем повернулся к Кудыме, – подтверди, шаман. Ведь ты вместе с нами таскал тела!

Кудыма кивнул, соглашаясь с Гондыром.

Шука прикусил сорванную травинку, сплюнул.

– Хорошо. Смотрим дальше, – увидев немой вопрос Гондыра, что всё ещё не пришёл в себя после вопроса о людях и духах, кивнул ему, – Подожди, Гондыр, дойдём и до того, что тебя сейчас мучает. Итак, Кудыма, ты ходил в набеги, где военным вождём был Пислэг. Я тоже ходил, в своё время, если помнишь. Вот скажи мне, Пислэг умный вождь?

– Да уж глупой сойкой его не назовёшь.

– Тогда задумайся вот над чем. Обладая такой силой, зная, что весь пёсий род у тебя издох от неведомой хвори, разве не догадался бы он окружить деревню со всех сторон? Пусть главный удар наносился со стороны реки. Но уж кого-кого, а этого воина на мякине не проведёшь. Он бы наставил вокруг засад, и вас ваш подземный ход не спас бы. Значит, свести под корень твой род ему тоже не было надобности. Так?

– Так.

– Но и этого мало. Как они вообще сумели пройти до твоей деревни незамеченными? Мимо постов, застав? Почему их никто не видел? Твоя деревня располагалась не где-нибудь на границе. И всего лишь в одном воинском переходе от Городища. Здесь кругом деревни, пашни, выпасы, бродят охотники и рыболовы. Откуда они взялись, более целой тысячи воинов, в том числе тяжеловооружённых! А?! Но и на этом странности не кончаются. Следопыты перевер-

нули вверх дном всю округу – ведь если идёт такое войско, это ж целая дорога натопчется! Но её нет. Понимаешь? То есть, она есть, но её нет.

– Не понял, – Кудыма вскинул руку, – погоди чуток. Ты и вправду сейчас озвучил все вопросы, что я собирался поднимать на Совете Старейшин. Но как это понимать, что они тропы не натоптали? Они что, по воздуху прилетели?

– Я не знаю. Тропа, конечно, есть. И следы на ней отпечатаны чётко. В оба конца. Но в полутора верстах выше по реке они исчезают. Совсем. Вот были следы, а вот их уже нет! Как это понимать? Это выше моих сил. Ты – шаман, общаешься с миром богов и духов, пронизываешь тонкую ткань Мирозданий. Может быть, ты мне объяснишь, что это было? И, мнится мне, не Пислэг на тебя напал. А кто-то – под личиной Пислэга! Уж кто-кто, а он знает, что подобное я ему не прошу. Найду его род хоть на краю земли и накажу. Вот поэтому, Гондыр, я спросил, и ещё раз спрашиваю: с кем вы дрались?

– Да с людьми, с людьми мы ратились! Из плоти и крови! Да что же это такое! – Гондыр смачно сплюнул и грязно выругался.

– Это не всё, что меня озадачивает, – Щука слегка прищурился, брызнув из-под век холодным блеском стали, – но и того, что я сказал, достаточно. Как думаешь, шаман?

Кудыма развёл руками.

– Пока не знаю. Ты всё правильно говоришь, воевода. Всё правильно, всё так. Но ответа пока нет. Действительно, этот набег – один большой вопрос. Ради чего он совершался? Чтобы скотину в деревне вырезать? И они ведь так никого и не похоронили. Ладно бы только наших, но ведь и своих не подобрали – так и оставили валяться! Время для совершения обряда у них было. И вот что ещё странно: куда они тяжелораненых подевали? Мы своих калек отпустили с миром на Древо Мироздания. А они? Неужели с собой унесли? Вот скажи мне, Щука, что делают с теми, кого можно вылечить только дома, и то не всегда? Зачем продлевать человеку ненужные муки? Когда это было в набеге, когда тех, кто идти не в состоянии, вместо того, чтобы их добить, уносят? Это бесчеловечно и жестоко! Пытка в самых глухих застенках у самого свирепого палача не так жестока, что приходится переживать этим несчастным! Даже зверь добывает своего собрата, если тот ослаб. Им же до границы было дней десять самого быстрого хода. А тут на шее висят калеки! Да тяжелораненные бы и сами не позволили себя нести! Милосердный удар в сердце в этом случае лучше всего... Словом, я ничего не понимаю! И тем более – про потерянные следы: это твои-то следопыты тропу потеряли?! Там, где прошли несколько сотен воинов, вдобавок неся на себе тяжелораненых? Поверить не могу!

Щука повернулся к Гондыру:

– Я здесь в гостях и не имею права распоряжаться да приказывать. Я лишь нижайше прошу: достопочтенный, у меня есть несколько слов, предназначенных только для него, – Щука кивком головы указал в сторону Кудымы. – Тебя не затруднит – конечно, с позволения нынешней главы вашего рода – оставить нас один на один?

Лицо Гондыра вспыхнуло; Кудыма усмехнулся:

– Гондыр, уважим гостя. Оставь нас, будь добр. Ступай, найди Ингрельда. Сразу не приходите. Дайте нам побеседовать, – и он крепко хлопнул Гондыра по плечу. – Да не дуйся ты, не красна девица! Иди.

XII

Дождавшись, когда Гондыр ушёл, Щука наклонился к самому лицу Кудымы и понизил голос почти до шёпота:

– Я с тобой теперь буду говорить как с шаманом. Мне ночью видение было. Боги напомнили мне, кто я есть по рождению. Ко мне пришёл сам великий Перун-громовержец. Тебе известно, что это бог воинов. Славянский бог. *И он мне приказал следовать за тобой хоть на край света.* И добавил, что путь будет трудный и кровавый. Но это будет путь настоящего воина. Ты, наверное, заметил, хотя и не хочешь мне об этом говорить, что в нашем мире творится что-то неладное. За последние четыре дня не смогли разрешиться пять женщин – дети родились мёртвыми...

У Кудымы от этих слов пробежал мороз по коже, волосы на руках встали дыбом. Щука глубоко вздохнул:

– И такое не только с людьми творится. Слишком часто стали рождаться мёртвыми и щенки, и жеребята, и телята, и овцы. Урожай засыхает на корню. Такие вот дела... В общем, по первому твоему слову я слагаю с себя должность Большого Воеводы. Соответствующее послание мною уже направлено в Совет Старейшин, дабы искали замену. И ещё: тебе не надо идти в столицу самому. И где ты только нашёл такого деятельного человека? Караберей развил до того бурную деятельность, что гонцы точно летали между Городищем и Афакуль, и там уже сами со всем справились и без тебя. Старейшины в курсе всех дел. Да и моё слово не последнее. Так что, слушай решение: всех воинов, которых твой род послал в общее войско, отзывают обратно. Они должны вскоре прибыть. Сам род освобождается от налогов на пять лет. В течение же пяти лет, за исключением случаев большой войны, снимается и положенный набор в рать. Место для поселения рода определено здесь, – и Щука достал из небольшой висящей на боку сумки тонко выделанный кусок оленей кожи с аккуратно нанесённой на него цветной картой Перми Великой:

– Видишь, река Боровая? Она отдаётся твоему роду вот отсюда, со всеми притоками на воинский день ходьбы от её берегов до самых верховьев, – ноготь Щуки прочертил по карте соответствующую бороздку. – Места там хорошие, много заливных лугов для выпаса. Расчистите лес – можно будет сеять рожь. Деревню поставите вот здесь. Сейчас у нас кресень¹⁶, восемнадцатый день. До морозов успеете? Или теперь уже только до следующей весны? Скотину, зерно – всё получите от союза. Правда, в долг. Отдадите без процентов через десять лет. Надеюсь, к тому времени род твой снова окрепнет. Сколько его у тебя осталось?

– Четыре сотни и ещё шесть человек мужчин, одиннадцать сотен и ещё двадцать три женщины, пять сотен и ещё три ребёнка. Да из войска вот вернутся двенадцать десятков... Треть рода полегла, подумать только! А мужского населения и так уже было совсем мало, положение только-только начало налаживаться после переселения...

Щука устало вздохнул:

– Ну, вроде бы, всё пока... Что думаешь делать?

– Отправляюсь с Гондыром и Ингрельдом на Мань-Пупу-Нер. Ингрельд внизу подождёт, а мы с Гондыром поднимемся.

– Да ты что, белены¹⁷ объелся?! Разве можно богов беспокоить?

– А я что? *Так боги решили. Мне тоже видение было.* Ты дождись нас, Щука. Тогда и решим всё окончательно. К святилищу пойдём налегке. Думаю, за двадцать дней обернёмся.

---

¹⁶ Кресень – июнь.

¹⁷ Белена – очень ядовитое растение. Ядовиты все части растения, особенно семена. Вызывает галлюцинации, судороги.

И ещё – спасибо тебе, воевода, за заботу. И за то, что ты с меня сейчас столько лишних хлопот снял. Знаешь, мы ведь Караберя своим Отцом выбрали.

– Достойный выбор, достойный человек. Лучше было и не найти. Всё, что он сделал для твоего рода, – Щука развёл руками, – это словами не описать! Чужой человек, чужой веры, а ближе родного оказался – так близко к сердцу беду твою принял! Кстати, где он, что-то я его не вижу? У меня к нему послание от Совета.

– Прибудет через пять месяцев. Как раз в месяц осень¹⁸. Дай ему боги гладкой дороги! По поводу же переселения сегодня решим. Потом я тебе гонца зашлю. Жди.

– Договорились! Пойду, догоню Караберя.

Кудыма и Щука раскланялись. Заходящее красноватое солнце коснулось верхушек елей. Потянуло прохладой.

Вечером Кудыма созвал весь род на поляну около стана.

– Люди рода Лося! Союз не оставил нас в беде. Нам дали новое место для поселения на реке Боровой. Дали зерно, овощи, скот. Освободили от всех налогов на пять лет. На днях вернутся наши мужчины, которые были взяты в общую дружину. Теперь нам нужно решить, переселяться ли нам на новое место сейчас, или мы это сделаем будущей весной, а пока перезимуем возле Городища. Сейчас у нас вторая половина месяца кресень. Успеем ли мы отстроиться на новом месте? Ведь нам ещё предстоит выжечь лес под поля, и в этом же году посеять рожь, овёс, просо, гречу. Посадить репу, горох и редьку мы уже не успеем – время ушло. С одной стороны, проще пока оставаться здесь, так как в этом случае мы будем на первое время обеспечены самым необходимым – в первую очередь едой, а также железом, полотном и одеждой. Деньги у нас – спасибо Караберю! – есть. И их вполне хватит. С другой стороны, всё оттянется ещё на целый год. Да и будем мы здесь пасынками. В шатрах зимовать мы не привычны. Без бань тоже жизнь неладная. Не кочевники мы, привыкшие мы к веничку и пару, – люди вокруг заулыбались. – Такие вещи нужно решать только сообща. Волевым решением всего лишь одного человека тут не обойтись. Как поступим, люди?

Спорили недолго. Решили перемещаться на новое место. По крайней мере, успеют до морозов выжечь лес под пашню, отстроить бани, обнести место для будущей деревни тыном, построить загоны для скота и, возможно, даже поставить несколько изб, а для остальных – заготовить брёвна. Перезимуют пока что в шатрах, а по весне достроят всё остальное – что время терять?

Выбор вождя решили отложить до тех пор, пока из войска не вернутся мужчины, временно поручив исполнять его обязанности опытному воину Лымаю.

Ранним утром Кудыма отправил к Щуке гонца. Всё утро прошло в хлопотах. Из Городища пришёл обоз с зерном и овощами и несколько пустых телег; пастухи пригнали скот, подошли псаря со щенятами. Люди сворачивали шатры, упаковывали утварь и прочий скарб. Ближе к полудню подошёл проводник. После непродолжительного, на скорую руку, обеда род двинулся к новому месту жительства. Путь был неблизкий. С учётом необходимости перегонять скот, да неторопливости волов, весь переход, по подсчётам, должен был занять не менее пяти дней.

Когда улеглась дорожная пыль, и скрылись из виду последние телеги, Кудыма, Гондыр и Ингрельд, обогнув Городище, вышли на другую дорогу – ту, что вела на север.

Их путь лежал на Мань-Пупу-Нер.

---

¹⁸ Осень – ноябрь.

III

Кудыма, Гондыр и Ингрельд двигались налегке. От Городища версты три шли они быстрым шагом, затем свернули с дороги в тайгу и перешли на размеренный бег. Каждый из них имел с собой сложный лук с тридцатью стрелами и запасной тетивой в ту лье – специальном футляре для хранения тетивы и стрел; засапожный нож и топор, без которого в лесу не обойтись. Кудыма был вооружён копьём в человеческий рост, с широким листовидным клинком – самым удобным в тайге оружием; Гондыр прицепил к поясу короткий ромейский меч, а у Ингрельда за спиной находилась его любимая секира, имя которой было «Разящая, как молнии Тора». Доспехами и щитами решили себя не обременять, оставив их на хранение у Угрима, до своего возвращения. Одеты в волчовки, короткие меховые штаны и сапоги из грубо выделанных шкур, с тройной мягкой подошвой, воины быстро и бесшумно скользили по лесу. У каждого за левым плечом висел небольшой мешок, куда были уложены кремень с кресалом, комочек соли в берёзовом туюске, немного муки и небольшой медный котелок. Кудыма положил ещё и шаманский наряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.